

**ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ
16–18 ИЮНЯ 2011**

**Круглый стол
ПУТИ МИРОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СНГ**

16 июня 2011 г. — 15:00–16:30, Павильон 4, Зал 4.1 Арена

**Санкт-Петербург, Россия
2011**

Интеграционная повестка дня в формате СНГ включает укрепление взаимодействия на основе многосторонней зоны свободной торговли, достраивание и дальнейшее развитие опережающего интеграционного контура ТС и ЕЭП, поэтапное формирование конкретного формата и системы соглашений с другими государствами — потенциальными участниками в рамках ТС-ЕЭП.

Модератор:

Сергей Синельников-Мурылев, Ректор, Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития России (ВАВТ)

Выступающие:

Татьяна Валовая, Директор Департамента международного сотрудничества Правительства Российской Федерации

Сергей Глазьев, Ответственный секретарь, Комиссия таможенного союза, заместитель Генерального секретаря ЕврАзЭС

Кайрат Келимбетов, Министр экономического развития и торговли Республики Казахстан

Сергей Лебедев, Председатель исполнительного комитета, Исполнительный секретарь СНГ

Таир Мансуров, Генеральный секретарь, Евразийское экономическое сообщество

Валерий Мунтян, Правительственный уполномоченный Кабинета министров Украины по вопросам сотрудничества с Российской Федерацией, государствами–участницами Содружества независимых государств, Евразийского экономического содружества и другими региональными объединениями

Александр Рар, Директор Программы Россия-Евразия, Немецкий совет по международным отношениям

Андрей Спартак, Директор, Всероссийский научно-исследовательский конъюнктурный институт

Укунбек Ташбаев, Министр экономического регулирования Киргизской Республики

С. Синельников-Мурылев:

Тема, которую мы будем обсуждать сейчас, интересна и экономистам, и политикам. Она достаточно сложна, потому что есть много разных интересов, много вариантов развития интеграции, и если посмотреть на все эти процессы как бы сверху, то видно, что у нас есть много форматов. Прежде всего это союзное государство, затем Таможенный союз, который развивается в направлении Единого экономического пространства, затем ЕврАзЭС, затем СНГ. Казалось бы, форматов много, все ли они нужны? Это один из вопросов, который мы будем обсуждать. Если посмотреть на международный опыт, о котором мы тоже будем говорить, мы увидим, что Европейский Союз включает в себя массу форматов: это и собственно Европейский Союз, это и еврозона, это и таможенный союз, это и Шенгенская зона. По-видимому, жизнь настолько разнообразна, что она не укладывается в формальные рамки жестких конструкций, отсюда и такое многообразие форм. На этом мое вступительное слово заканчивается. Наша дискуссия начнется с выступления Сергея Николаевича Лебедева из Исполнительного комитета СНГ.

С. Лебедев:

Спасибо. Уважаемые участники круглого стола, я хотел бы поприветствовать вас от имени Исполнительного комитета СНГ и поблагодарить за готовность принять участие в дискуссии, касающейся перспектив развития Содружества Независимых Государств в связи с мировыми интеграционными процессами. Наша дискуссия проходит в год двадцатилетия СНГ, и, конечно, я не мог оставить без внимания эту дату. Юбилей — это всегда повод оглянуться назад, оценить то, что сделано, ну и, конечно, заглянуть в будущее. Эта тема обсуждается на многих конференциях и форумах, которые проходят в эти дни, в эти месяцы в странах СНГ — мы думаем о том, как и куда двигаться дальше. Я очень

надеюсь, что и во время сегодняшней дискуссии участники круглого стола поделятся своими оценками, выскажут интересные идеи и предложения, которые мы сможем потом использовать в нашей работе.

Сегодня уже можно с уверенностью сказать, что Содружество Независимых Государств состоялось как уникальная международная организация, пользующаяся авторитетом на мировой арене. Внутри нее осуществляется достаточно эффективное взаимодействие в таких сферах, как энергетика, экономика, обеспечение безопасности, налажено сотрудничество в гуманитарной области. В последние годы в рамках Содружества было разработано и подписано немало документов, реализация которых крайне полезна для государств СНГ. Но, с другой стороны, эта реализация немыслима без привязки к аналогичным проектам в соседних государствах, осуществляемых международными экономическими организациями. К таким документам в рамках СНГ я бы отнес, например, перечень основных направлений сотрудничества в сфере транспорта, рамочную программу сотрудничества в области мирного использования атомной энергии, межгосударственную программу инновационного сотрудничества. Я называю эти документы потому, что они наиболее известны и рассчитаны все на период до 2020 года, — это само по себе говорит о перспективах развития СНГ. Мы не останавливаемся на проектах следующего года или следующих двух-трех лет, а смотрим дальше.

Перспективы развития СНГ есть, их видят и лидеры наших стран, их видят исполнители этих документов, и вы сами понимаете, что, говоря о развитии новых транспортных коридоров на пространстве СНГ, мы, естественно, не ограничиваемся только странами Содружества. Мы смотрим на то, как связать эти транспортные коридоры с Евросоюзом, с Китайской народной республикой, со странами, расположенными к югу от Содружества Независимых Государств и так далее. Мы отлично понимаем, что развитие

СНГ в условиях глобализации немислимо без тесного взаимодействия с международными экономическими и финансовыми организациями, с другими государствами, осуществляющими интеграцию между собой.

Я хотел бы также сказать, что Содружество создало солидную международно-правовую базу, в первую очередь в сфере экономического сотрудничества, и я очень надеюсь, что в текущем году эта база пополнится новым договором о зоне свободной торговли, который заменит принятое в 1994 году соглашение. Новый договор, что очень важно, разработан на основе норм и правил ВТО, в нем устранены пробелы, которые имеются в существующей правовой базе, и значительно усовершенствован инструментарий торговой политики. Эволюционные процессы внутри Содружества идут в духе общемировых тенденций повышения роли интеграционных структур, в СНГ мы также наблюдаем разноуровневую и разноскоростную интеграцию. Ряд стран Содружества, готовые к более тесному взаимодействию, создали, как вы знаете, Евразийское экономическое сообщество, Таможенный союз, и идут сейчас к формированию единого экономического пространства. Успешное развитие этих объединений, вне всякого сомнения, может вовлечь в эти структуры и другие государства СНГ.

Мировой финансово-экономический кризис побудил государства СНГ к разработке и принятию совместных мер по преодолению негативных последствий этого кризиса. Буквально пару недель назад в Киеве состоялось очередное совещание министров финансов стран СНГ, которое вновь подтвердило необходимость тесного взаимодействия в финансовой сфере. Что примечательно? Именно на этом совещании была поддержана инициатива Российской Федерации о создании региональной консультативной группы СНГ в Совете по финансовой стабильности. Задачей группы будет расширение взаимодействия с государствами, не

являющимися членами Совета, в интересах глобальной финансовой стабильности.

Двадцатилетний опыт развития СНГ говорит о том, что интеграционное взаимодействие в рамках Содружества, конечно, жизненно необходимо для его участников. Мы очень тесно связаны, и практика показывает, что сообща нам решать экономические проблемы намного легче. С другой стороны, сама жизнь подсказывает, что жизненно необходимо также расширение и углубление сотрудничества государств СНГ со странами Евросоюза и Азиатско-Тихоокеанского региона, с международными экономическими и финансовыми организациями. Практика также показывает, что вхождение в эти международные финансово-экономические организации и взаимодействие с ними для каждого из государств СНГ оказывается намного легче, когда мы выступаем вместе, когда мы действуем скоординированно и согласованно. Мне представляется, что наш Форум дает хорошую возможность обсудить роль и место СНГ в развитии мировой экономики и подискутировать о новых векторах международного взаимодействия.

Я бы хотел искренне поблагодарить руководство Российской Федерации, Министерство экономического развития, организаторов Форума за предоставленную ими площадку для дискуссий на эту актуальную тему, и выразить уверенность в том, что круглый стол по проблемам СНГ станет традиционным в рамках Санкт-Петербургского экономического форума. От души желаю всем участникам круглого стола плодотворной работы. Результаты этой дискуссии, я надеюсь, будут очень полезны для Исполнительного комитета СНГ. Спасибо за внимание.

С. Синельников-Мурылев:

Сергей Николаевич, спасибо за приветствие. Сейчас я хочу передать слово Татьяне Дмитриевне Валовой. Если участники не возражают, я предлагаю

следующий формат работы: после каждого выступления — для того, чтобы все-таки это был круглый стол и дискуссия, — мы две-три минуты посвятим данному вопросу. Если потом появятся желающие выступить, пусть это будет в самом конце, и если возникнут новые вопросы, они тоже будут в конце. Я надеюсь, у нас еще останется время, если все будут придерживаться регламента. Татьяна Дмитриевна, пожалуйста.

Т. Валовая:

Как справедливо сказал Сергей Николаевич, в этом году СНГ исполняется 20 лет, и самое время вспомнить, как все это начиналось. Вот лично я, например, узнала о распаде СССР и создании СНГ в Маастрихте. Я там находилась 8, 9 и 10 декабря 1991 года, поскольку работала тогда в нашем представительстве при Европейском Союзе и была направлена отслеживать ход работы знаменательного Маастрихтского саммита — именно на нем принималось решение о введении евро и о создании Европейского Союза. Честно скажу: одновременность и диаметрально противоположность случившегося в Беловежской пуще и в Маастрихте потрясла меня настолько, что в моей голове сразу сложилась одна простая фраза, напоминающая ритуальную фразу французских королей: «Союз умер, да здравствует Союз»!

Действительно, Советский Союз умер, и родился Европейский Союз. Двадцать лет спустя можно подводить итоги. Евросоюз в последние годы, действительно, проходит через череду испытаний. Но провозглашенную в Маастрихте задачу он выполнил в полном объеме и 1 января 2012 года, пусть в не самой благостной атмосфере, но все же отпразднует десятилетие введения евро. Цели, поставленные в Беловежской пуще, выполнены в лучшем случае наполовину: да, СНГ выступило инструментом цивилизованного развода, не допустило на постсоветском пространстве балканского сценария, но провозглашенную функцию реинтеграции

бывших союзных республик успешно провалила. А ведь Беловежские соглашения предусматривали и общее экономическое пространство, и единую валюту, и даже общее командование вооруженными силами. Кто из присутствующих об этом сейчас помнит?! Сказанное вовсе не означает, что я негативно оцениваю роль СНГ. Напротив, я его считаю важнейшим системным элементом постсоветского пространства, но отнюдь не интеграционным объединением. И для того, чтобы корректно оценить его место и роль, нужен краткий исторический экскурс.

Надо сказать, что история постсоветской интеграции извилиста, запутана, неоднозначна, порой чрезвычайно драматична. Мы попытались ее изложить на слайде, который будет постепенно открываться. Итак, 1991 год, декабрь, распад СССР, создание СНГ. Уже наутро после распада СССР бывшие союзные республики осознали, что для становления своего суверенитета и независимости они нуждаются в помощи друг друга, и начало 90-х годов ознаменовалось целым набором интеграционных инициатив: договором о создании экономического союза 1993 года, договором о зоне свободной торговли 1994 года, договором о платежном союзе 1994 года, попытками поддерживать суживающуюся, как шагреновая кожа, рублевую зону. Но уже в середине 90-х годов стало очевидно, что интеграция, реальная интеграция, интересна далеко не всем: так на постсоветском пространстве начала формироваться многоуровневая структура. В 1995 году подписывается первое соглашение о таможенном союзе между Россией, Беларуссией и Казахстаном, к ним вскоре присоединяются Киргизия и Таджикистан. Соглашения эти являлись в большей степени рамочными соглашениями о намерениях. Тем не менее, возникает более высокий уровень интеграции, ядро СНГ из нескольких государств готово к более продвинутым формам сотрудничества. На этом этапе они, впрочем, еще не осознают, что во имя интеграции им придется жертвовать суверенитетом, вернее, не жертвовать, а передавать его — на

сугубо добровольной основе — на наднациональный уровень. А пока даже эти, продвинувшиеся дальше других государства живут по принципу «и интеграцию приобрести, и суверенитет соблюсти».

В 1999 году подписывается договор «пятерки» о формировании Таможенного союза и Единого экономического пространства. В этом же году оформляется союзное государство России и Белоруссии, ставящее своей целью создание полноценного экономического, валютного и политического союза. Так рождается еще один уровень интеграции. В 2000 году «пятерка» трансформируется в ЕврАзЭС, и на постсоветском пространстве появляется триада: СНГ, ЕврАзЭС, союзные государства. В рамках этих трех объединений принимаются сотни, даже тысячи документов, множество планов действий, происходит не одна институциональная реформа, но подлинной интеграции, несмотря на заявления, нет — выше зоны свободной торговли не поднимается никто.

Перелом наступает в 2003 году, с запуском проекта Единого экономического пространства России, Украины, Белоруссии и Казахстана. Изначально было понятно, что шансов на успех этого мероприятия не очень много, но все участники этого процесса — я была среди них — именно поэтому сосредоточились, прежде всего, на концептуальной, интеллектуальной стороне вопроса. Мы не рассматривали это просто как международные переговоры, где можно разменивать уступки, выторговывать позиции, а стремились подготовить целостный рабочий документ, который мог бы быть реализован на практике — при наличии, естественно, политической воли. Для постсоветского пространства получился действительно революционный документ. В нем предусматривалось создание наднационального органа с передачей ему части национальных полномочий и принятие решений с учетом экономического веса государств. Все это универсальные закономерности интеграции, но они были впервые признаны постсоветскими

государствами. Договор был подписан и ратифицирован в 2003 году, и хотя Украина затем самоустранилась, три остальных участника продолжили его реализацию.

Надо сказать честно: наверное, этот процесс реализации шел бы до сих пор, но случился глобальный финансово-экономический кризис. В этом смысле большое ему спасибо — он подтолкнул интеграцию, и за последние три года в области интеграции сделано больше, чем за предшествующие 17 лет. Начиная с 1 января 2010 года, функционирует Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана, 1 июля этого года завершится формирование единой таможенной территории и будут сняты последние барьеры на российско-казахстанской границе. В сжатые сроки, всего за год, подготовлена нормативно-правовая база Единого экономического пространства, которое начнет функционировать 1 января 2012 года.

И вся эта работа была проведена в очень непростых экономических условиях. Можно даже сказать, что, в отличие от Европейского Союза, который обычно совершал новые витки интеграции лишь при благоприятной экономической конъюнктуре, на этапе экономического подъема, — не случайно его в свое время называли «сообществом для хорошей погоды» — СНГ, как и все организации на этом пространстве, пока оказывается «сообществом для плохой погоды». Когда нам плохо, мы ищем помощи у ближайших соседей, появляется политическая воля к интеграции. Когда ситуация улучшается, мы иногда зазнаемся, начинаем смотреть по сторонам. Поэтому сегодня перед постсоветской интеграцией стоит очень важная задача: она должна стать саморазвивающимся процессом, приобрести внутреннюю динамику развития, которая не будет сильно зависеть от экономической конъюнктуры.

Пока материальная основа интеграции является весьма зыбкой. Если мы взглянем на слайд, характеризующий общий объем торговли между

странами СНГ, то увидим, что взаимная торговля в 2010 году составляла менее 22% от общего объема их внешней торговли. В то же время в Европейском Союзе — смотрим на следующий слайд — на долю взаимной торговли в 2010 году приходилось более 63% от общего торгового оборота. Тем не менее, с созданием Таможенного союза динамика стала улучшаться, а запуск 1 января 2012 года Единого экономического пространства, как я надеюсь, сделает этот процесс необратимым. Функционирование ЕЭП наглядно раскроет процесс интеграции для экономических операторов и создаст стремление и, главное, потребность идти вперед. Об этом, в частности, говорит опыт ЕС, их собственный проект единого экономического пространства, который они называли проектом единого внутреннего рынка: его реализация 20 лет назад и стала материальной основой для выхода европейской интеграции на следующий уровень, для экономического, валютного, политического, экономического союза.

Что ждет постсоветскую интеграцию дальше? Без очередных параллелей с Европейским Союзом не обойтись. Я думаю, функционирование ЕЭП будет, бесспорно, потихоньку подталкивать к дальнейшему продвижению вперед, к экономическому и валютному союзу. Очевидно, если процесс будет успешным, то на определенной стадии возникнет и вопрос о расширении пространства. Успешный интеграционный проект подобен пылесосу: он затягивает соседей, о чем свидетельствует опыт ЕС. Кстати, опять о параллелях с ЕС: если нынешние проблемы ЕС, на мой взгляд, коренятся в быстром, порой безоглядном расширении и вовлечении в зону евро не всегда готовых к этому государств, то проблема постсоветского пространства, как уже говорилось, заключается в его чрезмерной фрагментации: в делении на тех, кто хочет реальной интеграции и, в общем, готов к ней; на тех, кто хочет, но по экономическим резонам подключиться не может, и на тех, кто мог бы подключиться к ней, но не

хочет и готов довольствоваться продвинутым экономическим сотрудничеством типа зоны свободной торговли. СНГ, таким образом, стало мозаикой различных объединений. Плохо это или хорошо, но это также соответствует опыту ЕС: вспомним, что европейские федералисты в конце 40-х годов тоже начинали с создания организации, которой не удалось стать реальным объединением, но зато удалось стать Советом Европы, и лишь с энной попытки они заключили Римский договор, договор о реальной интеграции.

Что будет у нас? Сегодня, как мы видим на слайде, у нас четыре уровня регионального взаимодействия, они уже сегодня назывались. Попытаемся заглянуть в будущее, примерно в 2020 год. Вполне вероятным сценарием будет слияние к этому моменту трех верхних уровней в один, когда путем расширения Таможенного союза за счет Киргизии и Таджикистана, уже проявляющих к этому интерес, Таможенный союз и ЕЭП организационно распространятся на ЕврАзЭС. Союзное же государство России и Белоруссии, по сути, станет составной частью этого объединения, более продвинутой по некоторым направлениям, например, во внешнеполитической и военной сфере, но экономические отношения в нем будут такими же. Эти три уровня станут Евразийским Союзом.

Итак, на нашем пространстве возникнут два уровня взаимодействия: Содружество Независимых Государств и Евразийский Союз. СНГ — это региональное межгосударственное объединение, в экономическом плане не выходящее за рамки зоны свободной торговли и элементов общего экономического пространства и потому не подразумевающее создания наднациональных институтов. Зато его участники плотно взаимодействуют в таких сферах, как гуманитарное сотрудничество, образование и культура, наука и инновации, инфраструктура и транспорт. Это общий знаменатель взаимодействия, устраивающий все постсоветские государства, очень ценное объединение, площадка для общения на всех уровнях власти,

гражданского общества и бизнеса. Второй уровень, Евразийский Союз, — это наднациональное, подлинно интеграционное объединение, постепенно продвигающееся от Единого экономического пространства к экономическому, а в перспективе и валютному союзу. Такая внутренняя стройность, сбалансированность евразийского пространства позволит лучше организовать экономические связи на всем нашем континенте. Россия еще в 2001 году договорилась с Евросоюзом о формировании в перспективе общего экономического пространства. Работа в этом направлении идет, однако становится понятно, что его базовым элементом отныне может выступать уже не Россия, а Таможенный (в перспективе — Евразийский) союз, который и будет формировать общие экономические пространства с Евросоюзом, Содружеством Независимых Государств и, очевидно, с АТЭС — формировать, естественно, согласно одним и тем же экономическим принципам. Так появится на свет и сформируется большая Европа от Атлантики до Тихого океана — или широкая Евразия от Владивостока до Лиссабона. Спасибо за внимание.

С. Синельников-Мурылев:

Татьяна Дмитриевна, спасибо большое. Уважаемые коллеги, пожалуйста, пара минут у нас есть на вопросы. У меня, Татьяна Дмитриевна, один вопрос. Та картина, которую вы нарисовали, мне лично очень нравится, а вот какими здесь могут быть тайминг или дорожная карта? Вы сказали в последней части своего выступления о том, что к 2020 году можно сделать что-то конкретное в плане создания Евразийского Союза, который вырастет из Единого экономического пространства. Если это станет получаться, какие шаги для этого будут нужны? Не могли бы Вы рассказать чуть более подробно?

Т. Валовая:

Мне эта картина тоже очень нравится, хотя, конечно, не факт, что именно эту картину мы с вами увидим, собравшись через девять лет на Петербургском форуме, как я надеюсь. Какие шаги? Мне кажется, что первый шаг уже понятен: ЕЭП будет двигаться в сторону Евразийского экономического союза, а затем Евразийского Союза. Это решение наших президентов уже есть, оно озвучено, работа в этом направлении идет. Я думаю, что Евразийский Союз с тремя участниками может появиться уже в обозримой перспективе, где-то к 2015, к 2016 году. К этому же моменту, я думаю, наши партнеры из Киргизии и Таджикистана смогут провести ту работу, которая необходима в экономической сфере, и вместе с нами войти в это объединение. Точно так же как и союзные государства, оно останется, у него есть своя специфика, но экономически оно уже сейчас практически неотличимо от того, что у нас есть в Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве. Думаю, что вполне реальный срок для этого — 2016-2018 годы, до 2020 года. При условии, конечно, что интеграция будет идти теми же темпами, которыми она шла в последние три года

С. Синельников-Мурылев:

Спасибо большое.

А. Пар:

Хочу задать вопрос к очень интересному докладу: а какова роль Китая в этом отношении? Я много слышу именно об ориентации постсоветского пространства на Европейский Союз, на Запад, но цифры говорят тоже о том, что экономическое развитие и сотрудничество стран СНГ с Китаем и азиатскими странами растет просто немыслимыми темпами. Как Китай сам будет смотреть на то, что, скажем, центральная Азия станет уходить в

сторону Евразийского Союза? Это, конечно, тоже философский вопрос, но, я думаю, он не лишен интереса.

Т. Валовая:

Я думаю, о том, как смотрит на это Китай, мы услышим завтра из уст руководителя Китая. Но мне кажется, что в этой схеме, которую я рисую в своем воображении, у Китая очень достойное место. Мы себе представляем так: у нас есть Единое экономическое пространство, экономический и валютный союз в лице Евразийского Союза, у нас есть такое же наднациональное объединение — Европейский Союз. Россия давно уже запланировала создание общего экономического пространства. Таким образом, Евразийский Союз и Европейский Союз создадут общее экономическое пространство. В это же общее экономическое пространство при желании — а я думаю, что такое желание будет, — войдут государства СНГ, потому что здесь не будет наднациональных органов. После этого у России, как члена форума АТЭС, как государства, плотно работающего по линии АСЕАН, есть возможность двигаться в сторону общего экономического пространства и с Китаем, и с другими государствами этого региона. И я думаю, что при наличии доброй воли это все в полной мере возможно. Мне кажется, что сейчас идет простой процесс: в мировой, глобальной экономике слишком много сейчас игроков, очень много кирпичиков. Раньше игроков было мало — когда один, когда два, когда семь, когда восемь, сейчас это «двадцатка». На самом деле и «двадцатки» мало, но не могут 120 или 180 государств, или все государства быть игроками в глобальной экономике. Иными словами, ее надо выстраивать по методу кирпичиков, интеграционных объединений, которые связаны между собой на глобально идентичных экономических принципах. Я думаю, что это вполне разумная схема.

С. Синельников-Мурылев:

Спасибо, Татьяна Дмитриевна. Александр Глебович, Вы удовлетворены? Тогда переходим к следующему выступлению, Андрей Николаевич Спартак, директор ВНИКИ, заведующий кафедрой Академии внешней торговли.

А. Спартак:

Уважаемые коллеги, во-первых, очень хорошо, как мне кажется, что наш стол круглый. На питерском форуме есть квадратные столы, у нас круглый, а круг — это идеальная фигура. Я думаю, что это хороший признак, хорошее начало, нам есть к чему стремиться. Тем не менее, в своем выступлении я хотел бы поднять достаточно непростой, но важный вопрос: какова цена нашей интеграции, в том числе для России? На современном этапе мы не можем не задавать себе эти вопросы. Всем понятно, что интеграция — это не самоцель, это не вещь в себе, и каждый участник стремится к получению определенных выгод и преимуществ от участия в этом процессе. Одновременно понятно, что эти выгоды и преимущества далеко не всегда могут быть сбалансированы по странам, и понятно, что они не всегда могут быть очевидными. Тем не менее — я прошу обратить внимание на слайд — давайте поговорим вначале о преимуществах интеграции и о проблемах, которые в этом плане у нас есть. Во-первых, очевиден ряд плюсов интеграции, уже проявившихся на сегодняшний день, плюсов углубления экономического сотрудничества. Они заключаются, прежде всего, в том, что страны СНГ являются друг для друга крупными рынками сбыта аграрной продукции и продукции обрабатывающей промышленности, той продукции, которую никто не ждет на рынках стран дальнего зарубежья. В этом плане мы помогаем друг другу, существенно помогаем поддерживать экономику на плаву, помогаем развиваться целому ряду важных отраслей и производств. Еще один важный плюс —

это сохранение и развитие производственной кооперации на ряде направлений, в том числе в машиностроительных отраслях. Важный плюс нашего взаимодействия — в том, что мы помогаем друг другу восполнить дефицитные ресурсы, для России это, прежде всего, трудовые ресурсы. Еще один важный плюс интеграции — в том, что она дает возможность всем нам пользоваться единой в прошлом транспортной инфраструктурой. Но я сразу же хочу обозначить ряд проблем, касающихся нашей интеграции. Первый — это то, о чем уже говорилось: пока, к сожалению, не удалось преодолеть тенденцию сужения материальной базы интеграции, позитивные моменты появились только в самое последнее время, и то мы не можем говорить о том, что эти явления приобрели устойчивый характер. Это выражается, прежде всего, в том, что в 2000-х годах устойчиво сокращается доля взаимной торговли стран Таможенного союза и стран СНГ по сравнению с торговлей со странами, не входящими в эти объединения. Это имеет объективные причины: наши экономики растут, медленно, но модернизируются, соответственно, предъявляют повышенный спрос на современные технологии, оборудование, сложные технические изделия и потребительские товары, которые мы далеко не всегда готовы друг другу предоставить. Но, с другой стороны, это «сужение дороги», если вспомнить такой знак, это снижение доходов от сотрудничества. Следующий вопрос — это завышенные ожидания от интеграции со стороны многих стран СНГ, возникающие в определенные периоды времени. Прежде всего это касается ожиданий дополнительных бонусов и трансфертов от России как платы за интеграцию, а Россия не в каждый момент может пойти на такие траты.

Вот еще одна проблема, которая тоже касается, прежде всего, России, как доминирующей экономики СНГ: у России основной интерес в плане интеграции — долговременный, стратегический, но мы не можем сказать, что долговременные выгоды от интеграции, которых мы ожидаем,

предсказуемы и гарантированы. Это область определенного риска, а интеграция — все-таки улица с двусторонним движением. Поэтому Россия, как и каждая из стран СНГ, ищет и будет дальше искать пути к тому, чтобы, преследуя долгосрочные интересы, уже сегодня ощущать реальные экономические выгоды от интеграции. Они есть, я в некоторой степени утрирую ситуацию, но есть и еще одна системная проблема, связанная с наиболее очевидным видом помощи России странам СНГ и соответственно очевидным видом выгоды стран СНГ от интеграции. Энергетические субсидии и в меньшей степени финансовое донорство — нецелевое — со стороны России в кратковременной перспективе, безусловно, создают дополнительные возможности для развития, снимают ряд социально-экономических проблем у наших партнеров. Но одновременно в долгосрочном плане — мы это понимаем, и другие страны СНГ тоже имеют право так думать, — такая помощь может уменьшать стимулы к развитию, тормозить технический прогресс, повышение производительности труда, повышение энергоэффективности.

Дальше я хотел бы сказать буквально несколько слов о том, о чем мы много говорим в контексте интеграции — это энергетические субсидии странам СНГ. Здесь дана наша экспертная оценка размера этих субсидий, которые составили примерно 70 млрд. долларов в 2000-х годах. В основном это субсидии Белоруссии и Украине, но здесь важно понимать — для оценки общего баланса выгод и преимуществ от интеграции — то, что поставки субсидированного энергетического сырья из России позволили Белоруссии и Украине увеличить поставки соответствующей продукции на экспорт, я имею в виду продукцию переработки нефтегазового сырья. По нашим оценкам, это тоже весомые цифры — порядка 90 млрд. долларов за 2000-е годы. Хоть и на короткое время, не навсегда, как мы понимаем, но все же энергетические субсидии от России позволили повысить конкурентоспособность энергоемких производств наших партнеров, в том

числе их главных экспортных отраслей, как черная металлургия для Украины.

На следующем слайде — тоже количественные оценки, которые могут быть интересны. По нашим подсчетам, суммарные доходы стран СНГ от торгово-экономического сотрудничества с Россией составляли в среднем примерно 20%, нет, больше, чем 20%, валового внутреннего продукта. Существенно выше эта цифра, по понятным причинам, в Белоруссии: за последние 5 лет в целом — порядка 60%, в 2009-2010 годах — порядка 50%. Далее посмотрим — опять же, все это для обсуждения, понятно, что здесь есть определенные допуски, — на баланс доходов России от интеграции и ее расходов на интеграцию. Первая строчка — это наше донорство, так сказать, в чистом виде, которое составляло порядка 1% валового внутреннего продукта России на протяжении 2000-х годов и 3,5% валового внутреннего продукта стран СНГ в среднем — в плюс этим странам. Если мы к этому добавим выгоды от экономического сотрудничества, то общий баланс за прошедшие десятилетия получится отрицательным для России: дефицит примерно в 185 млрд. долларов — это 2% ВВП России и 7% ВВП стран-членов СНГ. Здесь мы сделали определенные допущения, исключив торговлю энергоносителями, потому что энергоносители имеют универсальный рынок сбыта, их можно продать куда угодно и когда угодно. Для справки: среднегодовая помощь пятнадцати старых членов Евросоюза новым членам составляла и составляет порядка 0,2% от суммарного ВВП этих пятнадцати стран.

Сегодня мы, наверное, вправе говорить о том, что можно разрабатывать новые подходы для достижения более оптимального баланса нашей интеграции, который позволил бы сделать эту интеграцию для России не то чтобы менее обременительной, но более понятной экономически, без дополнительных объяснений, более понятной в том числе и населению. Я хотел бы подчеркнуть — и об этом тоже уже говорили — что сегодня мы,

наверное, подходим к той стадии, когда пойдут, наконец, реальные преимущества от нашей интеграции. Есть соответствующие расчеты, которые сделал Сергей Юрьевич Глазьев из Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН. Мы должны, обязаны почувствовать эти преимущества, которые, согласно формуле, есть взаимная капитализация преимуществ от нашей интеграции. Кроме того, наверное, сегодня мы готовы к тому, чтобы подумать о разработке и внедрении апробированных в мире, в том числе в Евросоюзе, механизмов содействия развитию интеграции. Они заключаются в целевых грантах, поступающих через нашу национальную программу содействия развитию, и в целевых инвестиционных кредитах, поступающих непосредственно от России или через региональные финансовые институты. Здесь за основу может быть взята финансовая модель Международного банка реконструкции и развития или других региональных банков развития, а объектами инвестирования могут быть полезные для интеграции проекты — экспорт-ориентированные, нацеленные на получение валюты, на импортозамещение, — объектом может быть инфраструктура, используемая для интеграции. Понятно, что в обозримой перспективе донорство — нецелевое, стабилизационное и энергетическое, — сохранится, но мы понимаем, что баланс должен постепенно смещаться в сторону более прозрачных и понятных форм содействия интеграции.

Следующий слайд, последний — это современные, новые драйверы интеграции, которые появляются сейчас. Это, конечно, не все драйверы, я расскажу только об одном. Наверное, можно сейчас всерьез подумать о механизмах повышения роли российского внутреннего рынка, как генератора интеграции. Вот одна цифра: сегодня доля России в импорте стран Таможенного союза составляет только 30%. Мы все понимаем причины этого, а доля США в торговле стран НАФТА (там тоже три страны) — 60%. Здесь мы могли бы подумать о программах импортозамещения

уже в рамках Таможенного союза и в масштабах всего СНГ, особенно в плане продовольствия — тем более что здесь сейчас сложилась очень благоприятная ситуация. Я заканчиваю и хочу пожелать, чтобы благодаря нашим совместным усилиям бухгалтерский баланс интеграции стал более прозрачен, понятен всем нам и стимулировал всех нас к дальнейшей интеграции и совместной работе. Спасибо.

С. Синельников-Мурылев:

Спасибо, Андрей Николаевич. Пара минут есть на вопросы, если они имеются. Коллеги, вопросы задают не только участники круглого стола, те, кто сейчас сидит за круглым столом, но и все остальные. Пожалуйста.

Из зала:

Спасибо большое. Складывается впечатление, что если Советский Союз был объединен политической идеей, то СНГ объединяется экономическими, торговыми интересами. Вопрос к участникам круглого стола: вы считаете возможным наличие политической платформы, объединяющей СНГ? Если да, то в чем она может заключаться?

А. Спартак:

Если позволите, я два слова скажу. Здесь, скорее, наоборот: мы выражаем обеспокоенность тем, что сейчас в качестве драйвера интеграции мы, прежде всего, имеем политическую волю и институциональные инструменты, а за этим стоит мало экономики. Иными словами, мы рассчитываем, благодаря совместным усилиям, сделать так, чтобы за нашей интеграцией стояло больше понятной для всех нас и взаимовыгодной экономики, потому что там как раз очень много политики, то есть ситуация обратная — по крайней мере, на мой взгляд.

С. Синельников-Мурылев:

Еще. Сергей Юрьевич, конечно.

С. Глазьев:

У меня к Андрею есть вопрос по поводу оценок, касающихся субсидирования. Я считаю, что это очень любопытная тема, и мне кажется, там явно имеет место двойной счет по ряду позиций. Но самое главное, отсутствует связь между тем, что Россия дает как донор энергетических ресурсов, и тем, что она получает как участник производственной кооперации. Например, Белоруссия, получая дешевые энергоресурсы, использует их для повышения конкурентоспособности своей конечной продукции, в стоимости которой изрядную часть составляют российские комплектующие. И если Белоруссия, скажем, наращивает производство тракторов, соответственно растут поставки комплектующих для этих тракторов из России. Даже если часть этих тракторов идет на российский рынок, все равно это плюс для экономического роста. Поэтому мне кажется, что если мы рассуждаем об эффекте донорства, мы должны его рассматривать в более широком контексте межотраслевой производственной кооперации, потому что элементарные оценки межотраслевого баланса показывают: чем больше вы экспортируете сырья за границу, тем меньше у вас темпы экономического роста. Вы уменьшаете свою сырьевую базу и не даете развиваться перерабатывающим отраслям, которые создают добавленную стоимость. Поэтому, может быть, расширяя поставки сырья, даже субсидируя экономики стран СНГ в Вашем понимании, то есть, продавая сырье по ценам ниже мировых, мы расширяем возможности для диверсификации экономики и итоге выигрываем в приросте экономической активности.

Это одна составляющая вопроса, а другая, мне кажется, состоит в том, что когда мы рассуждаем о донорстве внутри нашего единого экономического

пространства, надо взвешивать альтернативы. Вот, предположим, продали бы мы эту нефть и газ в дальнейшем зарубежье, получили бы прирост валютных резервов, добавили бы денег в стабилизационный фонд, купили бы больше американских ипотечных бумаг, получили бы на этом чуть больше процентов. Но при этом, если бы мы вложили эти деньги, скажем, в наше собственное развитие или в нашу собственную банковскую систему, то получили бы проценты в пять раз выше, чем по американским ипотечным бумагам. Выходит, мы оказали донорскую помощь Соединенным Штатам, потому что мы им даем деньги дешевле, чем сами получаем. Поэтому рассуждать о донорстве нужно в контексте гораздо более широком, да у нас другой возможности и нет: то, что кажется донорством, на самом деле может оказаться наиболее эффективной стратегией.

Т. Валовая:

Сергей Юрьевич, я просто хотела сказать то, о чем сказал Андрей Николаевич, и мне кажется, достаточно четко. Речь не о том, что нам не нравится донорство России как таковое. Мы выступаем за то, чтобы донорство или финансовая поддержка интеграции были эффективными. Опасно то донорство, которое приводит к экономической стагнации у наших партнеров и у нас. Нам не нужна любая интеграция, нам нужна такая интеграция, которая будет делать наши государства современными, модернизированными, эффективно работающими. Если мы будем просто друг другу поставлять дешевую нефть, газ, лес и так далее, и что-то там на своем пространстве создавать и продавать это друг другу, — это будет *back in the USSR*, чего нам никоим образом не надо. Об этом и говорил Андрей Николаевич, просто более эмоционально. Мы не говорим, что надо снижать, допустим, уровень этого донорства, финансовой помощи, — но нам нужны нормальные, эффективные вещи. Если мы возьмем

Европейский Союз, они делают тоже самое: у них масса программ, и они регулярно спорят по поводу того, как используются эти деньги. Но их финансовая помощь приводит к экономическому росту, а не к стагнации, поэтому нам сейчас, думая об этом, надо искать формы, которые будут приводить к росту. Ну, а энергетические субсидии... очень хорошо, что в рамках ЕЭП мы договорились, что у нас к 2015 году будут равнодоходные внутренние цены на газ, что у нас не будет экспортных пошлин. Что это означает? Раз Россия должна будет делиться своей природной рентой с партнерами по Единому экономическому пространству — это нас самих будет стимулировать к нормальной внутренней экономической политике, то есть это правильная интеграция, которая будет Россию модернизировать. Вот об этом как раз хотелось бы с Андреем Николаевичем поговорить, потому что мы эту тему с ним несколько раз обсуждали.

С. Глазьев:

Хотел бы только отметить свою главную мысль. Если мы в качестве общего знаменателя рассматриваем просто экспорт энергоносителей на мировой рынок по мировой цене, то получаем, как мне кажется, очень искаженную картину, потому что могут быть и другие критерии, кроме максимизации валютной выручки от экспорта углеводородов. Эти критерии мы знаем, они очень многомерны.

В. Мунтиян:

Вот человек задал конкретный вопрос: был Союз, теперь СНГ, политика и экономика, чего больше, чего меньше? Я хочу сказать, что в СНГ и политики много, и экономика есть, но чего нет, так это идеологии. Я считаю, что это первично, потому что мы сильны, кроме экономики, духом, нам нужна идеология. Идеология — это новое мировоззрение, вот его мы должны создать! Если у нас будет Данко, если он покажет, куда идти, то у

нас будет потенциал, чтобы это реализовать. А то мы сейчас с политикой и экономикой заболтаем этот круглый стол. Благодарю.

С. Синельников-Мурылев:

Спасибо. Коллеги, мы чуть-чуть нарушили формат, и пошло обсуждение. Это, может быть, и не плохо, но у нас все-таки есть регламент. Я и сам много чего хотел сказать. Андрей Николаевич посчитал некоторые цифры, но они, конечно, могут служить только иллюстрацией. Это лишь отдельные цифры, считать надо общие доходы и расходы. Мы никак не можем обойтись тем, что экономисты называют частным равновесием. Надо смотреть шире, надо смотреть на потоки трудовых мигрантов, которые не только вывозят деньги из России, как часто считают люди, но и создают большую добавленную стоимость здесь. Это, конечно, очень сложный и большой вопрос, поэтому предлагаю идти дальше. Слово Кайрату Нематовичу Келимбетову, министру экономики и торговли Казахстана.

К. Келимбетов:

Спасибо большое. У меня тоже было подготовлено выступление, но, поскольку уже началась дискуссия, разрешите немножко порефлексировать на тему вопросов, которые прозвучали, и на тему презентации. На мой взгляд, самый важный вопрос — это тот, который был затронут Вами вначале: не много ли форматов и нужны ли они все? История не любит сослагательного наклонения. Эти форматы уже существуют вследствие тех событий, которые 20 лет назад произошли, и, на мой взгляд, форматов немного. Госпожа Валовая говорила, что какие-то организации будут, быть может, даже сливаться, но в любом случае, они нужны. Мне кажется, мы сегодня немного идеализируем ситуацию вокруг интеграции, она не такая безоблачная, как представляется. И мне кажется,

что формат СНГ, каким бы эклектичным он ни был с точки зрения различных его критиков, позволяет стягивать воедино все то пространство, которое раньше называлось Советским Союзом, и в этом есть своя правда. Ведь проблемы людей, которые живут на этом пространстве, могут решаться только людьми, которые живут на этом пространстве, и за 20 лет мы в этом убедились. Второе мое замечание — по завышенным ожиданиям. Есть такая фраза: «лучшее — враг хорошего» и, мне кажется, в презентации госпожи Валовой больше лучшего, чем хорошего. Мы получили сегодня Таможенный союз — я считаю, благодаря большой политической воле всех трех сторон, потому что если бы ее не было, то, конечно же, трудно было бы подписать столько документов и прийти к той самой интеграции. И тогда мы, как здесь прозвучало, начинаем говорить: «а давайте примем еще», и у нас уже образуется очередь из документов. Здесь я вступаю в противоречие с выступавшими начавшейся дискуссии, и, мне кажется, ее тональность тоже надо подвергнуть критике. Получается, что вся интеграция происходит за счет энергоносителей одной страны. Это немножко пахнет 1994 годом, но на деле это совершенно не так. Если вы участвовали в переговорах, то знаете, что вопрос энергоносителей — ключевой, и по этому вопросу позиции всех сторон — России, Белоруссии, Казахстана, — ясны, и все четко разделено. И в отношениях Россия — Украина тоже. Мне кажется, как раз эти годы послужили иллюстрацией к знаменитой фразе классика насчет того, что сначала надо решительно размежеваться, чтобы потом объединяться на понятных принципах. И здесь, мне кажется, речь как раз идет не о чьем-либо донорстве, речь не идет о том, что, допустим, тот же Таможенный союз или Единое экономическое пространство будут какими-то благотворительными организациями. Это не так. Кстати, 20 лет назад мы немножко идеализировали Европейский Союз, а сегодня мы видим, что, при всей прочности этой организации, есть вопросы по устойчивости ее модели

развития. Здесь нам надо достроить то, что мы уже строим. Есть очень четкий план на 2011-2012 годы — и по Таможенному союзу, и по Единому экономическому пространству. Это некая ось будущей интеграции — как, например, Франция и Германия составляют ось Европейского Союза и, в общем-то, на их экономиках держится благополучие некоторых неблагоприятных стран. И нам сначала надо все построить и очень четко все формализовать — например, координацию экономической политики. Мы сегодня уже договорились о единой, скоординированной макроэкономической политике. Что это такое? Это решение проблем, преодоление разногласий по инфляции и по дефициту бюджета, это проведение ответственной макроэкономической политики. Все страны могут чистосердечно сказать, что они проводят ответственную макроэкономическую политику. Да, они могут проводить ее, но я думаю, что ее нет. Даже в Европейском Союзе сегодня возникают трудности, когда они начинают обсуждать единую фискальную политику, то есть Европейский Союз к этому не готов. Насколько мы должны ускорять этот процесс или драматизировать ситуацию вокруг него? На мой взгляд, сегодня та интеграция, которая реализуется на пространстве СНГ, ведется с учетом лучшей мировой практики, но является по-своему уникальной. У нас, может быть, есть больше для этого предпосылок. Я хотел еще сказать, что мы же не в вакууме проводим интеграцию. Вот был очень хороший вопрос, который, мне кажется, должен быть поднят в нашей дальнейшей дискуссии. Этот вопрос о том, что мы сегодня находимся в сильно изменившейся геополитической и геоэкономической ситуации: есть проблемы у Евросоюза, есть проблемы у других развитых экономик, нарастает роль азиатских экономик, прежде всего китайской. Буквально вчера в Астане происходила встреча глав государств Шанхайской организации сотрудничества и стран-наблюдателей. Но даже двусторонние отношения между Россией и Китаем, Россией и Казахстаном, Беларуссией

и Казахстаном имеют несколько иную тенденцию. Мы вместе должны понять, какая специализация будет у нашего объединения по отношению к Европейскому союзу и по отношению, скажем, к нашим азиатским соседям. На это нельзя закрывать глаза, нельзя, как страус, зарывать голову в песок, потому что дело даже не в конкуренции, дело в огромных преимуществах и возможностях, которые дает наше положение. Сегодня мы имеем у наших границ экономику номер два в мире, а через 10-20 лет, как разные эксперты говорят, это будет экономика номер один. И нам надо понимать, если говорить о сырье, об энергоресурсах, как мы будем развиваться. Это дает огромные преимущества, и нам надо вместе, на уровне таможенного союза, обсуждать соответствующую ситуацию, соответствующие взаимоотношения с ними. И еще одно замечание насчет СНГ. Президент Казахстана, наверное, с самого начала был самым большим и последовательным сторонником интеграции. В 1994 году он выступил в Московском государственном университете и высказал идею создания Евразийского Союза. Все объединения, которые сегодня существуют, — это во многом результат доброй воли Казахстана, России, Белоруссии и других стран, которые в них входят. Но в своем выступлении он тогда сказал также о разноскоростной интеграции. Интеграция идет на разных скоростях ввиду разной подготовленности экономик, разной степени их реформированности, разных темпов экономического развития, разной степени поддержки своих товаропроизводителей. У нас сегодня четыре члена ВТО среди стран СНГ, и две страны собираются вступить в нее в ближайшее время — Россия и Казахстан, но на разных условиях. Это, в свою очередь, создает определенные трудности при создании различных торговых союзов, в том числе зон свободной торговли, относительно которой я считаю, что это самая, наверное, важная сегодня цель для СНГ, в экономическом смысле. Я поддерживаю мнение, что СНГ — это возможная в будущем зона свободной торговли, реально

действующая, реально работающая, — не так, как сейчас. Сейчас это союз в сфере культуры, образования, транспорта, науки, инноваций, — это то, что объединяет наших людей. С одной стороны, подгонять, мол, давайте быстрее на ту или иную скорость переходить, наверное, не очень правильно. С другой стороны, нельзя нам совсем разбегаться: это наша историческая общность, которая в любом случае, в перспективе, как говорила госпожа Валовая, получит экономическое обоснование. И я в этой связи хочу, чтобы мы еще раз отдали должное этому большому достижению, договоренности между тремя странами — Россией, Беларуссией и Казахстаном, — о создании Таможенного союза. На мой взгляд, теперь уже не на Европейский Союз надо оглядываться, а на Таможенный союз, которого мы смогли достичь ценой долгих переговоров и взаимных уступок. Сейчас начинается новая стадия развития таможенного союза. Если сегодня таможенный союз больше напоминает проект брачного договора, то есть страны договариваются о возможности доступа на рынки, то следующий этап его развития — это уже реальные совместные интеграционные проекты. Например, страны того же Европейского Союза объединяет, в том числе, проект «Аэробус», когда самолеты, на которых мы так часто летаем, производятся одновременно в нескольких странах. Я думаю, что не за горами такие же проекты или энергомоcты между Россией, Беларуссией и Казахстаном. Нам больше в эту сторону надо стремиться и, мне кажется, эти процессы должны идти параллельно. Спасибо.

С. Синельников-Мурылев:

Кайрат Нематович, спасибо большое

Из зала:

Можно, я задам вопрос? Как Вы относитесь к тому расписанию, о котором Татьяна Дмитриевна Валовая в своем выступлении сказала? Как Вы могли бы его прокомментировать, какими Вам представляются темпы развития интеграции? Что бы хотелось сделать и что реально можно сделать?

К. Келимбетов:

Мне кажется, у госпожи Валовой такое романтическое видение — до 2020 года. Я все-таки сторонник практического подхода и реализации тех договоренностей, которые уже существуют между нашими главами государств. Пусть Таможенный союз заработает во всех его проявлениях, в 2011-2012 годах экономическое пространство должно быть готово. Вот это вся документация, которая есть. Давайте сначала сделаем это и посмотрим, что у нас получилось.

Т. Валовая:

У меня романтическое видение, поскольку я выступаю не в официальном качестве, а как эксперт. Поэтому я понимаю, что министр все-таки не может выступать в личном качестве, он должен говорить более аккуратно и прагматично. Но я всегда говорю о том, что интеграции надо развиваться очень быстро, уж если она стала развиваться. Европейцы сформулировали это очень просто, это принцип велосипеда: если ты не крутишь педали — ты падаешь. Если интеграция не развивается дальше, ты возвращаешься назад, и все рушится. Привожу конкретный пример, нашу с вами ситуацию. У нас есть Таможенный союз, с 1 января 2012 года будет Единое экономическое пространство. Мы сняли все барьеры на пути движения товаров, услуг и так далее, мы не можем применять ни защитные, ни специальные, ни всякие прочие меры. Сейчас у нас в одном из государств — участников — в Республике Беларусь — проведена массированная девальвация. Естественно, повышается конкурентоспособность

белорусских товаров. Естественно, мы не имеем права закрывать от них рынки и, естественно, наши национальные производители — не знаю, как ваши, — начнут вопить, уже вопят: боимся молока, боимся того, боимся этого. Европа в 70-е годы это все проходила, когда у них рухнула система фиксированных курсов, и они стали заниматься валютным демпингом, началась так называемая политика «разори соседа», и они пришли к европейской валютной системе. Когда я говорю об экономическом союзе и в перспективе валютном, я не имею в виду введение единой валюты, я говорю о том, что нам нужна та самая согласованная макроэкономическая политика, но реальная, и нам недостаточно тех документов, которые есть. Если у нас расхождение в этом, тогда мы мыслим с вами совершенно одинаково, полуромантично-полупрагматично. Если же вы предлагаете просто обустроиться на тех рубежах, которые есть, а там, мол, давайте посмотрим, как все будет развиваться, — то боюсь, что нас ждут очень сложные годы.

К. Келимбетов:

Естественно, мы мыслим одинаково, подтверждение тому — 70 документов, ратифицированных нашими парламентами. Наверное, вопрос о валютном союзе еще рано комментировать, даже эксперты его еще не комментируют, но согласованная макроэкономическая политика должна быть. И, когда мы сегодня говорим, что в одном из государств — участников Союза есть проблемы, то это, прежде всего, проблемы экономической политики. Это проблема того, насколько каждое государство может себе позволить тот или иной дефицит бюджета, насколько каждое государство может себе позволить те или иные параметры макроэкономической стабилизации. Кстати, проблемы Евросоюза, о которых вы говорили, они сегодня сходны с нашими, потому что в Греции, по мнению других европейских стран, проводится не слишком

ответственная макроэкономическая политика. Сегодня Беларусь испытывает затруднения, и именно в рамках Таможенного союза и антикризисного фонда ей оказывается поддержка. Хватит ли этой поддержки? Она оказывается тоже на определенных условиях, так, как это принято в Международном валютном фонде. Есть параметры экономической политики, которые должны присутствовать, в том числе и доступ на свой рынок, в том числе программы приватизации, которые в каком-то смысле ускоряют интеграцию. Мне кажется, в этом смысле мы с вами одинаково смотрим, то есть, понимаем, что готовы нести ответственность не только за себя, но и друг за друга — и при этом рассчитываем, прежде всего, на самих себя, а в перспективе посмотрим. Союз создается не для того, чтобы получить от кого-то поддержку, а для того, чтобы совместно обрести энергию, то есть один плюс один плюс один должно быть больше, чем три, вот в этом я вижу смысл. Здесь прозвучала как раз та мысль, что интеграция не есть самоцель — интеграция должна повысить конкурентоспособность как союза в целом, так и каждого государства по отдельности. Вот если мы об этом будем думать, тогда вопросы субсидирования кого-то за счет кого-то отпадут сами собой. Еще один важный вопрос: насчет СНГ я хотел сказать, что нас объединяют также вопросы региональной стабильности и безопасности. Все-таки есть ОДКБ, та же ШОС, мы сегодня в непростом мире живем, и это создает определенную надежность и спокойствие на наших границах.

С. Синельников-Мурылев:

Спасибо. Еще вопросы? Пожалуйста, последний.

Из зала:

Спасибо. Мне не повезло, модератор ко мне спиной сидит, но ничего. Я хотел бы, прежде всего, искренне поблагодарить Кайрата Нематовича за

его очень точную оценку ситуации, с которой мы в Белоруссии абсолютно солидарны. Я, коллеги, вдвойне хотел бы предостеречь вас от оперирования терминами донорства, особенно от определения взаимной торговли как донорства. Коллеги, приведите мне хоть один пример, когда сегодня Газпром или две сотни российских нефтяных компаний кому-то в СНГ продают газ или нефть не по рыночным ценам? Хуже рыночных цен бывает, я вам могу привести примеры, но лучше рыночных цен — такого в принципе уже давно быть не может! «Газпром» работает по долгосрочным контрактам, и стоит ему с кем-то, с одной из стран СНГ заключить контракт согласно неким преференциальным подходам, как сразу с соответствующей просьбой придут остальные потребители. Поэтому умоляю вас, не вводите никого в заблуждение донорством! Я вам приведу другой пример: наша торговля с Россией, Белоруссии с Россией, не сбалансирована, примерно 10 миллиардов долларов в год — профицит в пользу России, но мы же не говорим, что мы за два десятилетия предоставили поддержку России на сто миллиардов долларов! Взаимная торговля, коллеги, — это не донорство, это, как правильно сказал Кайрат Нематович, тот ресурс, опираясь на который, мы получим энергию. Один плюс один плюс один — больше, чем арифметическое три! Спасибо.

С. Синельников-Мурылев:

Вы хотите прокомментировать, Кайрат Нематович? Нет? Тогда мы идем дальше. К сожалению, мы исчерпали лимит вопросов, потом, может быть, мы еще вернемся к ним. Валерий Иванович Мунтиян, правительственный уполномоченный по сотрудничеству с государствами СНГ, ЕврАзЭС и другими объединениями, кабинет министров Украины. Пожалуйста, слово Вам.

В. Мунтиян:

Благодарю. Уважаемые участники Форума, уважаемые дамы и господа, имею честь сердечно приветствовать всех присутствующих в этом зале от имени правительства Украины. Пользуясь случаем, хотел бы также выразить искреннюю благодарность организаторам сегодняшней встречи, в первую очередь Минэкономразвития Российской Федерации, за приглашение принять в ней участие. Раз у нас пошла такая дискуссия, то прежде, чем перейти к Украине, я хотел бы несколько слов сказать о своем видении данной проблемы. Первое, что я хочу сказать: СНГ доказало, что оно живет и будет жить. Мысли о том, что мы поделим что-то, то лучше, то хуже, надо полностью искоренить хотя бы в этой среде, это однозначно. Оно живет, и, слава богу, мы сохранили это пространство, потому что за него еще будет бой, но это впереди, а нам надо к нему подготовиться. Назову только пару документов. Первое: главы стран СНГ приняли стратегию развития, у наших лидеров уже есть видение будущего — это раз. Второе: Сергей Николаевич сказал о межгосударственной программе инновационного сотрудничества, мы четко видим, как и когда мы построим инновационную модель развития, потому что, как уже много говорили, даже под интеграцию нужна модель, и мы ее сделаем.

Теперь переходим конкретно к интеграции. Согласно классической модели существует пять этапов — это так, но я хочу сказать, что сегодня ученые рассматривают интеграцию по-другому. Сегодня интеграция — это не взаимодействие, а восстановление, восполнение некоторого единства — то есть, это новая целостность. Это говорит о том, что должна быть целостная картина нашего сотрудничества, и мы должны сделать все возможное, чтобы только с таких позиций это рассматривать. Такие дисциплины, как глобалистика, геополитика, геоэкономика, геофинансы, показывают, что сегодня геоэкономика вышла на первое место в мире, и основной вывод таков: материк Евразия будет центром экономического развития. Это уже доказано. Второе: СНГ должно модернизироваться и

стать ядром: здесь никуда не надо присоединяться и никуда не нужно уходить — только модернизировать и сделать стратегически правильные умозаключения. Россия, или Таможенный союз, или еще что-то будет. Россия есть Россия, и я бы хотел, чтобы россияне четко это понимали. Мы считаем Российскую Федерацию великой страной, потому что по всем девяти международным критериям — по территории первое место, по вооруженным силам, по ядерному потенциалу, по интеллектуальному потенциалу, — это великая страна, и у нее великая миссия, и она должна третий уровень взять, она должна на европейском континенте стать центром силы.

Я хочу еще кое-что сказать, чтобы перейти к Украине. Украина, как и все страны, должна определить свою экономическую нишу, потому что новая архитектура строится, и если мы пришли к умозаключению — не мы, а ученые, — что главными локомотивами в XXI столетии будут две страны — это Китай и Российская Федерация, — то что здесь думать? Значит, возле этих центров мы и должны формировать свою политику. Кроме того, я хотел сказать, что выстраиваются новые производственные цепочки, и мы должны сегодня включаться в эти процессы, нам не надо конкурировать между собой. Не нужно конкуренции — это правильно. Почему? Потому, что я думаю — это ложный путь! Почему нужна интеграция? Интеграция — это ответ на что-то, это процесс. Какие процессы сегодня происходят? Мы знаем два — это процесс глобализации и процесс регионализации. Но есть еще третий процесс — это хаос, сегодня эти события в восточной Африке и в других арабских странах, они показывают, что не дай бог хаоса. Европейский Союз уже зацепили, происходит хаос. Тот, кто его создает, владеет технологиями управления этим хаосом, и это постоянно будет меняться, постоянно будет нестабильность. Почему? Потому, что идет борьба за ресурсы! В мире их уже нет. Без СНГ, в современных условиях, когда треснула эта вертикальная экономика, я не хочу это Маастрихтское

соглашение вспоминать, о котором мне рассказывали, я вообще не знаю, как мы с Европейского Союза пример берем, это просто безответственно! Я хочу сказать: самое главное, что мы в эту зону не попали, потому что есть разработки, есть технологии, которые этим управляют! Нам наоборот, отойти надо от этого утопленника, иначе оно нас затянет!

Теперь перейду к Украине. У нас рассматривается сегодня пять этапов интеграции: первый вариант — это сохранение существующего состояния, честно говоря, он нас удовлетворяет, но это лишь сегодня. Почему? Потому что сегодня товарооборот с СНГ 40,4%, тогда как с Европейским Союзом 28,6%, и структура тоже не удовлетворяет, потому что в этом товарообороте 64% — это машиностроение, продукция с высокой добавленной стоимостью. В товарообороте с Российской Федерацией доля машиностроения — 55%, но это сегодня, завтра этого не будет. И мы можем потерять основные секторы материального производства, эти ниши будут заняты! Кем? Французами, итальянцами, китайцами и другими, этого допустить нельзя! И, как уже было правильно сказано, в странах СНГ создан Таможенный союз, идет интенсивная подготовка по созданию Единого экономического пространства. Вариант номер два — это новое соглашение, то есть новый договор о зоне свободной торговли со странами СНГ. Я хочу сказать честно и откровенно, что для Украины это приемлемо. Почему? Потому что мы сделали математическое и экономическое моделирование, и принятие этого договора о зоне свободной торговли дает увеличение товарооборота в целом со странами СНГ до 35%. Вариант номер три, который предлагается — это зона свободной торговли между Украиной и членами Таможенного союза. Я думаю, что это полумера, и она не может быть практически реализована, потому что члены Таможенного союза с этим не согласятся. И, в принципе, правительство Российской Федерации четко дало это нам понять. Вариант номер четыре — это секторальный таможенный союз. Просто берем какие-

то сектора и устанавливаем взаимовыгодные отношения, энергетику, космос, транспорт, я опять же думаю, что этот вариант не имеет права на жизнь. Почему? Потому, что даже в теории он не жизнеспособен, а на практике на это тоже никто не согласится, поэтому я правительству докладываю, что он также отменяется. И пятый вариант — это вступление Украины в Таможенный союз, так как я сказал, что завтра архитектура поменяется и, действительно, будет единое экономическое сообщество, единое экономическое пространство. Расчеты показывают, что если Украина вступит в Таможенный союз, а затем уже в ЕС, в зону свободной торговли, значит, мы будем иметь больше преференций и мы туда вступим уже как не периферия, а как центр силы, вместе со странами Таможенного союза. Хочу сказать, что все это просчитано по отраслям, по затратам, и для 37 основных отраслей экономики от этого будет только плюс.

Теперь другой вариант, с Европейским Союзом. Я хочу сказать, что, действительно, Европейский Союз для Украины является стратегическим партнером, он является стратегическим партнером и для Российской Федерации, потому что товарооборот с ЕС у нее 51%, в Украине почти 30%, но как вступать, какие потери будут, какая модель? Какая скорость, как было сказано? Оптимальный вариант — это, я считаю, через Таможенный союз, через Единое экономическое пространство. Сегодня надо четко сказать, что Европейский Союз переживает тяжелые времена, то Маастрихтское соглашение 1992 года, о котором говорила уважаемая Татьяна Дмитриевна, сегодня не выполняется ни одной стороной. Но, откровенно говоря, из 27 стран основному критерию, которым является дефицит бюджета, соответствуют только три страны, 24 страны не соответствуют. Если дефицит бюджета должен быть не более 3%, то сегодня в Европейском Союзе средний показатель — 6,4%, почти в два с половиной раза выше. Хочу сказать, что по данным за 2010 год, ни одна страна СНГ не имеет такого дефицита. Украина имеет 5,6% — самый

большой дефицит, у остальных меньше. Если взять, к примеру, Ирландию, там 34,2%, можете себе представить? В 10 раз выше нормы! Второе: госдолги — не более 60%. Почему? Потому что это второй критерий так называемой экономической конвергенции. То же самое: 14 стран из 27 не выполняют, а в целом по ЕС эта цифра составляет 80%, по еврозоне 90% — это официальная статистика. Что касается уровня безработицы, он составляет 9,9%, а критический для экономической безопасности уровень — 8-10%. Тоже плохое значение. Как вы думаете, куда же нас примут, на каких условиях, неужели надо еще раз все просчитывать, чтобы влезть в эту громадную финансовую пирамиду, чтобы она тоже затянула нас и утонула, когда от нее надо убежать!

Европейский Союз, который сегодня занимает первое место в мире по ВВП — 16,6 трлн. долларов и по товарообороту — 24,3 трлн. долларов, сегодня не может защитить себя ни по одному критерию, ресурсов нет. Если наскребли 700 миллиардов евро, извините, на подходе Испания, осталось 220 миллиардов, а только одной Испании нужно на полтора года, на два — сколько? Нужно 450 миллиардов! Каковы международные золотовалютные резервы? Сегодня было сказано о двух странах, еще можно добавить Францию, Англию и Германию. Мировые золотовалютные резервы — 62,65 трлн. долларов, больше нет. В Российской Федерации, к примеру, — 535 млрд., а внешние долги еще больше! Официальный государственный долг ЕС в целом — это 13,7 триллиона евро.

Теперь посмотрим на другую страну — Соединенные Штаты Америки, второе место по ВВП, 14,75 триллионов долларов. Долги какие? На 150% больше ВВП! И чем они могут помочь нашей стране или любой другой? Какой у них ресурс? Эмиссионный! Этот ресурс уже сегодня несет инфляцию, поэтому, я думаю, что сегодня рассчитывать на него тоже нельзя. Кроме того, уровень безработицы: официальный — 9,1%,

неофициальный — 16,4%. Можете себе представить такую статистику? У нас, опять же, ни в одной стране такого нет!

И третий вопрос: я сказал про НАТО, потому что это пример интеграции. Здесь поднимали вопрос о безопасности. Сегодня это самое главное — жизненно важное пространство надо уметь защитить. В условиях, когда дефицит бюджета США был в 2009 году 13,4% от ВВП, до 2011 года увеличивались расходы только по одной статье, до 811 млрд., — это военные расходы. Для примера, Татьяна Дмитриевна, записывайте, это 64% мировых военных расходов!

Теперь по нашим ресурсам. Наши ресурсы не виртуальные, а универсальные, и что касается моей страны, Украины, извините, я убежден, что продукты питания — это главное оружие! Это главный стратегический ресурс в XXI веке. Что касается энергии, газа, не надо здесь делиться, правильно было сказано, я тоже поддерживаю коллегу из Белоруссии, как-то некрасиво. Почему? Если между собой мы будем разборки устраивать, добром это не кончится. Это будут новые торговые войны. Лучше ответить на вопрос, как у нас, не спрашивая, забрали 2,2 триллиона в первые 10 лет, и мы 50% ВВП потеряли! Этим надо заниматься, то есть это жизненно важное пространство надо сохранить.

Главный вывод, который я бы хотел сделать, еще раз возвращаясь к сказанному: Россия — это великая страна по всем девяти критериям, но вместе с Украиной и другими странами это — цивилизация, мы все вместе самоорганизуемся. Одна только Россия объединяет, в отличии даже от Китая, Европы и Азии, две цивилизации, и мы можем создать новую модель, над которой украинские ученые тоже работают, которая называется ноосферной моделью экономики, потому что интеграция должна иметь цель, она должна делаться подо что-то. Поэтому я думаю, что у СНГ есть будущее. Сегодня нашим странам выпала уникальная миссия, и Россия должна тоже взять на себя эту нагрузку. Извините, она

является ядром, то есть электроны должны крутиться вокруг нее! И мы готовы вместе, сообща сделать все возможное, чтобы обеспечить жизнеспособность, выживание, развитие и процветание. Благодарю за внимание.

С. Синельников-Мурылев:

Валерий Иванович, спасибо большое. Два вопроса, пожалуйста.

Из зала:

Спасибо. Я бы хотел продолжить тему, которую поднял Валерий Мунтиян в первом своем выступлении, тему идеологии. Это проблема, из-за которой мы здесь сегодня находимся. Идеология наверняка предполагает союзников и противников, и мне хотелось бы остановиться на противниках. Мы с Сергеем Юрьевичем Глазьевым в Киеве недавно проводили круглый стол, посвященный Таможенному союзу, и увидели, что этим противником был кто-то, мелко проплаченный непонятно кем. Одним из противников я вижу коррупцию внутри Таможенного союза, поэтому хотелось бы, может быть, создать на пространстве СНГ единый антикоррупционный комитет. Мне кажется, это очень помогло бы в реализации наших планов. Я о Таможенном союзе, представитель Украины. Спасибо.

В. Мунтиян:

Спасибо. Это был вопрос или комментарий?

С. Синельников-Мурылев:

Валерию Юрьевичу нужно на это отвечать? Это был комментарий. Сергей Юрьевич, пожалуйста.

С. Глазьев:

Таможенный союз — как раз лекарство от коррупции, потому что все решения принимаются под надзором трех правительств. Понимаете, здесь химичить гораздо сложнее, все друг друга контролируют и оценивают, поэтому совместно очищать наше пространство от коррупции гораздо легче.

С. Синельников-Мурылев:

Тогда переходим к следующему вопросу. Укунбек Учусбекович Ташбаев, пожалуйста, Вам слово, министр экономического регулирования Кыргызской республики.

У. Ташбаев:

Добрый день, уважаемые участники круглого стола, уважаемые дамы и господа. Во-первых, от имени Министерства экономики Кыргызской республики и от себя лично, позвольте приветствовать всех участников сегодняшнего дискуссионного клуба, уважаемых и весьма известных представителей государственных, общественных, международных структур, а также бизнес-кругов, которые принимают сегодня участие в столь масштабном и чрезвычайно важном актуальном мероприятии, интерес к участию в котором подтверждается не только растущим в мире авторитетом самого Форума, но также, как показывает сегодняшняя дискуссия, возрастающим значением обмена мнениями и сверки взглядов на тенденции развития мировой экономической системы. Мне приятно вновь встретиться с коллегами, которых я знаю лично и труды которых читал; я высоко ценю публикации ведущих экономистов и общественных деятелей, присутствующих в этом зале. Выступать в конце всегда очень сложно, потому что тезисы, которые ты готовил, в какой-то мере уже озвучены. С другой стороны, это меня радует тем, что прослеживается общность взглядов, общность проблематики, которая обсуждается в других

государствах, и перед своим выступлением можно соотнести направление своих мыслей с направлением мыслей всего человечества — ну, по крайней мере, на пространстве нашего СНГ.

Есть некоторые моменты, по которым я хотел бы все-таки обозначить свою точку зрения. В настоящее время мы обсуждаем мировую экономическую систему и тому подобное, и здесь мы, наверное, мыслим одинаково с господином Мунтияном. Действительно, давайте признаем, что мировая экономика стала беспринципной, спекулятивной и аморальной. Экономика стала реально несправедливой, во всем мире. Этот факт необходимо зафиксировать. Те цифры, которые приводил господин Мунтиян, еще раз подтверждают, что, несмотря на различные интеграционные процессы, несмотря на Евросоюз, наши государства, в частности, Кыргызская республика, которая провозглашала все 20 лет политику открытых дверей, находились в поиске реальных, действительных союзников, в постоянно меняющихся условиях. И сейчас, говоря о СНГ, как о пространстве реальной интеграции, как о структуре, хотя я не знаю, как это потом будет выглядеть, куда это пойдет, — интеграция СНГ станет реальной интегрирующей силой только в том случае, если в основу этой интеграции, как сказал господин Мунтиян, будет положена идеология. Я скажу еще больше: если в основу будет положена идея бога. Все 70 лет существования СССР мы привыкли говорить о морально-этической экономике, мы камуфлируем эту идею такими вот вещами. Только в том случае, если каждый участник будет соотносить себя с этой идеей, с этим мировоззрением, называйте ее идеологией, — тогда мы в этом пространстве, осознавая эти принципы, будем друг с другом сотрудничать и работать, вот тогда пойдут реальные интеграционные процессы. В противном случае это будет бег на короткую дистанцию. В Коране есть сура «Лицемеры», так вот, нам нельзя превращаться в лицемеров, то есть

говорить одно, потом переговариваться с другими и так далее и тому подобное.

Теперь поговорим о прикладных вещах в контексте Кыргызстана. Когда СНГ станет действительно той силой, которая даст толчок всей этой интеграции, когда Кыргызстан будет чувствовать себя комфортно и будет активно в ней участвовать? Первое: СНГ должно реально обеспечивать всю необходимую инфраструктуру, которая погасит желание государств — участников СНГ находиться в других интеграционных объединениях. Министр экономики Казахстана сказал, что говорить о валютном союзе преждевременно. Я считаю, это как раз актуальный вопрос, и нам необходимо говорить не о создании единой валютной зоны, а о создании резервной валюты на пространстве СНГ, альтернативной евро и доллару. Центральные банки России, Казахстана, Кыргызстана будут являться филиалами федеральной резервной системы, и торговые взаимоотношения станут более тесными.

Я приведу несколько цифр. Экспорт Кыргызстана делится на две равные части, 50% экспорта — это Белоруссия, Казахстан, Россия, другие 50% экспорта — это не страны СНГ, вернее, другие страны СНГ и, скажем так, другие страны ВТО. Причем из них процентов 70 приходится на экспорт, 17 тонн золота ввозится в Лондон, в Швейцарию, на этом торговля заканчивается. Остальные 30% — импорт. Если у нас торговые взаимоотношения с пространством Таможенного союза выстраиваются, нужно обеспечить его другой валютой. Поэтому в настоящее время нам необходимо в первую очередь думать о резервной валюте, единой оценке стоимости и так далее. Естественно, подход должен быть справедливым, как бог предписал. Не так, чтобы одна страна брала на себя функцию эмиссионного центра. Как только такие попытки будут — все сразу придет в негодность, так как все быстро просекут, что тут идут какие-то неправильные игры. Мы должны подумать, действительно, каким образом

мы можем замкнуть наши торгово-экономические взаимоотношения путем создания вот этой резервной валюты, — и это не в перспективе. В перспективе может быть реальная валютная интеграция, скажем, в далеком будущем мы должны прийти к единой валюте. Но, может быть, альтернативу выстроить? Я читал книгу Сергея Глазьева, там есть идея обеспечения энергорублем. Инструментарий пока не создан, но в любом случае мы должны думать об этом. Эта резервная валюта может, во-первых, отгородить нас от валютного хаоса, от деривативов, она может стать инструментом стабилизации и даже катализации интеграционных процессов на территории СНГ.

Второе: возможно, это относится исключительно к Кыргызстану, но, может быть, еще и к Таджикистану — я не знаю, присутствует ли здесь кто-нибудь из Таджикистана? На пространстве СНГ само СНГ должно начать решать насущные вопросы, которые Кыргызстан решает при помощи других международных финансовых институтов, при помощи других объединений. Если СНГ сможет обеспечить всю эту инфраструктуру. Я говорю о двух вещах. Во-первых, правительство Кыргызской республики постоянно сталкивается с дефицитом бюджета. Куда мы идем за деньгами? Мы говорим: «давайте обратимся к антикризисному фонду, попросим там, как страна — участник, деньги и будем работать вот в этом ключе». Если здесь не получается, мы куда идем? Мы идем в Международный валютный фонд, мы идем во Всемирный банк. Иначе говоря, в СНГ нам нужно создавать мощные финансовые структуры и укреплять их таким образом, что если у какой-то страны, в частности, у Кыргызстана, возникнет необходимость в займе, СНГ могло бы обеспечить то, что сейчас обеспечивают другие.

Третье: это, безусловно, строительство, это финансирование программы государственных инвестиций, которые сейчас опять-таки связаны исключительно с условиями Всемирного банка, Азиатского банка развития и так далее. Возможно, есть смысл сейчас начать проработку, чтобы СНГ

выступило инициатором выдвижения исполнительного директора от этой группы стран. Это позволит нам проводить политику подключения контрактов таким образом, чтобы контракты получали именно те предприятия, которые находятся на территории СНГ. Это, безусловно, единые ГОСТы, единые стандарты, кстати, которые нам не позволяют выигрывать контракты Всемирного банка и так далее. Мы получаем кредиты от ВБ, от АБР, строят бельгийские компании, строят голландские компании, происходит финансирование валового внутреннего продукта этих государств, эти вопросы тоже нам необходимо решить.

И последнее — это выстраивание единой схемы государственно-частного партнерства на территории Содружества Независимых Государств. Это единый подход, который я предлагал и на Экономическом совете. Это подход, который мы предлагаем сейчас, основанный на западной модели, но с учетом советского прошлого, с учетом того, что частный сектор не готов платить за инфраструктуру. Нам необходимо здесь выстраивать собственную модель совместно с Внешэкономбанком России, который сейчас является флагманом на пространстве СНГ в этом направлении. И только при достижении этих условий педали нашего велосипеда будут крутиться, они будут крутиться быстрее со стороны Кыргызской Республики, и, я думаю, со стороны других государств — участников СНГ тоже. Спасибо большое и извините за то, что я нарушил регламент.

С. Синельников-Мурылев:

Большое спасибо, есть ли вопросы?

Т. Валовая:

Спасибо за очень интересное выступление, у меня один только вопрос — по резервной валюте. У резервной валюты должен быть эмитент, я полностью согласна с тем, что сейчас говорить о введении некоей

наднациональной валюты бессмысленно, то есть о создании валюты по образу и подобию евро, тем более на три государства или даже на пять. Это, в общем-то, бессмысленно, с учетом конфигурации нашей организации. В то же время резервную валюту кто-то должен эмитировать, соответственно, получается, что это должна быть валюта одного из государств. Но Вы в то же время говорите, что это не может быть эмиссионный центр на территории одного из государств. Каким Вам видится выход из этой коллизии?

У. Ташбаев:

У меня сейчас нет конкретного решения, но в то же самое время есть решение в виде КТС. Я не знаю, как это может быть соотнесено, необязательно это будет КТС, это должен быть какой-то другой орган, но к валюте нужно относиться бережно, нежно. Эмиссионный центр, если он будет сдвинут, это почувствуют все другие страны, все начнут быстро печатать свою валюту, и эта страна одна со своей валютой останется. Нам нужно вместе подумать. Я в Астане был буквально на прошлой неделе, там состоялся Всемирный исламский экономический форум, и была приведена такая статистика: если 1400-1500 лет назад одна курица стоила один серебряный динар, то и сейчас эта курица тоже стоит один серебряный динар. То есть серебряный эквивалент 1400 лет назад и сейчас — один и тот же. Нам тоже надо думать о каких-то эквивалентах. Ну, нельзя нам держать половину валюты, золотовалютных резервов, в долларах и евро — это постоянный груз внешнего долга, о котором господин Мунтиян говорил. И та инфляция, которая происходит на фоне этого свободного плавания валют, когда мы начинаем урезать свою денежную массу, массу сомовой наличности, — вот это проблема. Я, может быть, неправильно сделал, ушел немножко в сторону, но пока отмечу эту необходимость

Т. Валовая:

Вопрос простой: российский рубль логично выглядит резервной валютой для постсоветского пространства, тем более что и Валерий Иванович называл очень впечатляющие цифры. И это, в принципе, совершенно нормальный проект, потому что, допустим, на территории Европейского Союза, — а я до нашей интеграции занималась как раз валютной интеграцией Европейского союза, — существовали резервные валюты. В последние годы перед введением евро была практически одна резервная валюта — немецкая марка. И к введению евро как раз подталкивала ситуация, когда единая валюта уже есть, но она эмитируется только одним из государств, и другие не могут влиять на нее и на экономическую политику, такой был сложный баланс. Но на период, допустим, 70-х годов, даже начала 80-х, эта ситуация была достаточно позитивная. Вот готова ли Киргизия, допустим, рассматривать российский рубль как расчетную единицу, как резервную валюту, при его естественном статусе?

В. Мунтиян:

Украина ответит за СНГ. Я поддерживаю коллегу на сто процентов, потому что, какие бы ни создавали таможенные союзы, единые экономические пространства, валютные союзы, если не будет того, о чем сказала коллега, мы будем работать на американцев и на единый Европейский Союз. Кроме того, в отличие от доллара, евро не является полноценной валютой по всем критериям. Чтобы мы сегодня выжили, именно рубль должен быть, во-первых, расчетной, во-вторых — резервной валютой. И такие технологии есть, и мы должны их внедрить. Я думаю, в ближайшее время, до конца года это все заработает. И в принципе, я поддерживаю коллегу на сто процентов в том, что касается эмитирования; инструменты и

механизмы разрабатываются, они есть и нам надо их немедленно внедрять. Благодарю

У. Ташбаев:

Единственное, что я добавлю: неважно, рубль это будет, или казахский тенге, или кыргызский сом, важно понять, что сейчас нам нужна альтернативная валюта. Если даже это рубль будет, надо ее основу поменять, основу обеспечения наших валют. Не знаю, может быть, через содержание золота, но это прошлый этап. Можно пустить какую-нибудь альтернативную валюту на территории СНГ, которая потом потихоньку может нарастить себе авторитет. Просто так выдвинуть рубль, или тенге, или сом не получится, нам нужно подумать об этом, вот к чему я призываю.

С. Глазьев:

Хотел сказать одну реплику на эту тему, раз на меня ссылались. Татьяна Дмитриевна, мне кажется, что главная проблема для рубля кроется во внутренней политике нашего российского Центрального банка. Мы тут выходим сильно за рамки нашей тематики, но, собственно говоря, проблема в основном в российской денежной политике. Сегодня Белоруссия уже использует рубль в качестве резервной валюты. Если мы перешли на торговлю энергоносителями в рублях, антикризисный фонд в рублях сделали бы, а не в долларах. Почему в долларах, я вот понять не могу? Ну и так далее.

С. Синельников-Мурылев:

Спасибо, коллеги, продолжаем. Александр Глебович Рар, директор центра имени Бертольда Бейца по сотрудничеству с Россией, Украиной, Белоруссией и странами Центральной Азии при Германском совете по внешней политике.

А. Пар:

Спасибо, что меня пригласили. Получил только что очень интересную книгу от Сергея Глазьева, с таким названием: «Уроки очередной Российской революции», то есть революция здесь начинается, и далее интересный подзаголовок: «Крах либеральной утопии». Многие говорят о том, что либеральная модель оказалась в абсолютном тупике, и мы ищем через революцию новый путь, и есть шанс на экономическое чудо, которое, я так понимаю, может произойти здесь. Действительно, очень интересно написано, и, я думаю, своевременно, в ближайшее время я с удовольствием прочитаю. В такой атмосфере очень интересно дискутировать, и очень хорошо, что такие книги появляются. Значит, вы меня, наверное, пригласили для того, чтобы я не хвалил Европейский Союз, а говорил об определенных проблемах, которые существуют между нами. Я буду стараться быть очень кратким.

Во-первых, нужно признать тот факт, что между Западом и Россией есть определенное соперничество политического толка, скорее не экономического, и что именно это соперничество на постсоветском пространстве между Европейским Союзом и НАТО, с одной стороны, и Россией, с другой, является вот уже 20 лет определенным элементом евроатлантической архитектуры. Если говорить совсем открыто — Запад против восстановления слишком сильного российского влияния на постсоветском пространстве. Вот почему Запад говорит Украине и другим государствам постсоветского пространства, государствам СНГ: «идите к нам, даже, если вам придется дольше ждать, но объединение с Россией в таможенном союзе — это противоречит нормам международной торговой организации и вообще нормам, которые мы выстраиваем сейчас на европейском континенте». Я думаю, что Европейский Союз во многом рассматривает почти все независимые государства на постсоветском

пространстве как часть европейской семьи в долгосрочном плане. Двери в Европейский Союз и в НАТО открыты, хотя, я подчеркиваю, в очень, очень отдаленном будущем, сегодня это кажется достаточно нереалистичным, потому что расширение из-за финансового кризиса достигло определенной границы. Нужно все это подчеркнуть.

Теперь о сотрудничестве: я думаю, сотрудничество, как было всеми выступающими сказано, возможно в рамках создания свободной экономической зоны между Западом, или Европейским Союзом, и странами СНГ, или через различные формы статуса ассоциированного члена ЕС, который получают разные страны из числа членов СНГ. Это все-таки не членство. Но, мне кажется, что, конечно, с западной точки зрения, это сотрудничество будет успешным, когда все страны СНГ вступят во Всемирную торговую организацию. Потом есть, конечно, разные инструменты у Европейского Союза, так называемые стратегии, по северному измерению, по восточному соседству, по центральноазиатскому направлению, стратегии, которые должны выстроить разные «дорожные карты» и формы сотрудничества. Что за ними стоит, об этом здесь не говорилось, но я думаю, что главный камень преткновения в нашем сотрудничестве — это попытки Европейского Союза перенести на постсоветское пространство свои ценности, свои демократические идеалы, эту либеральную модель, утопию, может быть. В западном понимании, Европе сегодня нет альтернатив.

Я же это рассматриваю достаточно критически, для Европейского Союза главная цель — это продление, создание Европы, продленной до Владивостока, но именно под эгидой либеральных, демократических ценностей. Насколько это удастся, мы сможем сейчас увидеть в северной Африке, где в начале этого года начались определенные движения, турбуленции. Европейский Союз переключается сейчас временно на этот регион. Насколько он справится и с этим регионом, и с Восточной Европой,

надо будет еще посмотреть. Сейчас, как мне кажется, если взять пространство СНГ, то мы должны говорить о некоем соседстве, которое возможно между Европейским Союзом и Россией. Есть хорошее французское слово *cohabitation*, не *coexistence*, как англичане и американцы говорят: оба вместе живут на одном континенте и вместе устраивают свою жизнь. Конечно, для того, чтобы устроить эту жизнь, нужно научиться и в экономическом плане сотрудничать.

Здесь поднимались уже вопросы безопасности, я хочу просто напомнить, что есть раздражители в виде замороженных территориальных конфликтов. Я честно выскажу свое мнение: абхазский и южноосетинский конфликты были решены — правда, силовыми методами, но были решены. Сейчас мы все видим, что много делается попыток решить сообща приднестровский и нагорно-карабахский конфликты. От того, насколько удастся или все-таки не удастся сообща их решить, тоже зависит наше добрососедство. Естественно, и Беларусь выступает всегда как проблемное государство, которое Европейский Союз хочет вместе с Россией, вместе с другими странами СНГ как-то «проработать», потому что есть определенный раздражитель в глазах Европейского Союза: недемократичность развития в этой стране. Из-за этого соперничества, к которому я все время возвращаюсь и которое просто нужно упомянуть как реальность, у нас не получился, к моему большому сожалению, энергетический альянс, который Путин предлагал в бундестаге в 2001 году, через две недели после 11 сентября. Энергетический альянс смог бы, действительно, укрепить энергетическую безопасность России и Европы, принести выгоду и России, и странам СНГ, и Европейскому Союзу, но он не получился. С ним возникли большие сложности. Не получилось и общего экономического пространства, из-за соперничества. Через два месяца мы будем все вспоминать о 50-летию постройки Берлинской стены. Я думаю, достаточно резонно сегодня говорить о том, что какие-то остатки этих

старых времен еще есть, потому что визы и барьеры на Востоке существуют, эти барьеры гораздо сильнее, чем в отношениях со странами Северной Африки, или Латинской Америки, или Соединенными Штатами.

Какие у нас есть перспективы? Опять-таки повторяю, интересно поиграть с термином *cohabitation*, сожительство, в Европейском Союзе, или Евразийском, или как это будет называться. Может быть, в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства возникнет, действительно, некий европейский союз «Восток», если он будет следовать вашим указаниям или рекомендациям. Думаю, что модель интересная. Вот здесь говорилось о немецко-французском сотрудничестве, которое было главным двигателем европейских процессов. Это очень интересная идея, и мне кажется, что об этом стоит хорошо подумать. Психологически очень важно, чтобы процессы реинтеграции на постсоветском пространстве не исходили бы только от одного игрока, от одного актера, чтобы был создан, наподобие немецко-французского мотора, российско-казахстанский или российско-украинский мотор, а может быть, тройной мотор. Тогда исчезнет этот раздражитель в глазах Запада — желание России на постсоветском пространстве путем всяких трюков опять создать империю, что, кстати, не является реальностью.

И последнее: мне кажется, что нужно нам подумать, как работать, — может быть, в рамках создания европейской зоны свободной торговли. Есть же такая Европейская ассоциация свободной торговли (ЕАСТ), на Западе, в которую сегодня входят Швейцария и Норвегия. Они очень плодотворно сотрудничают с Европейским Союзом. Я думаю, в рамках этой ЕАСТ можно действительно реализовать свободную экономическую зону от Лиссабона до Владивостока. В этой зоне такие страны, как Россия и Украина, получили бы какой-то ассоциированный статус при Европейском Союзе и потом работали с ЕС, с Брюсселем на тех же правах и с теми же возможностями, которые сейчас предоставлены Швейцарии и Норвегии.

Это, естественно, уберет визовый режим, даст многие другие возможности. Это пока философский вопрос, но к этому все движется. Не так уж сложно сделать все это в ближайшие 15 лет. И тут надо вернуться к тому, что мы друг другу можем дать. Это не моя мысль, все сейчас говорят о том, что в Европейском Союзе происходит деиндустриализация, мы хотим жить очень комфортабельно, создавать площадки для игры в гольф, «зеленую» экономику, отказываться от «черной» промышленности. В России ее тоже не будет, но в России и в странах СНГ все-таки идет реиндустриализация, идет на постсоветском пространстве. Я думаю, здесь можно будет в экономическом плане друг другу очень поспособствовать и помочь.

В области безопасности, очень надеюсь, вопрос встанет в 2012 году, после вывода войск НАТО из Афганистана. Может, это не совсем наша тема, но хочу привлечь ваше внимание к вопросам безопасности на южных рубежах России. Что будет с Афганистаном, никто не знает. Я очень надеюсь, что еще в этом году будет подписано соглашение о сотрудничестве между ШОС и НАТО, что укрепит, конечно, и пространство СНГ, придаст ему легитимность в вопросах безопасности, которой, к сожалению, пока нет, потому что ОДКБ не признается странами НАТО.

И самое последнее — это китайский фактор, я уже об этом говорил. При всех наших перспективах сотрудничества, в рамках большой Европы, не стоит забывать, что у границ СНГ создается новая супердержава, у которой есть свои интересы, которая будет иметь и политические, и экономические рычаги и сильное влияние. Что помогает иногда сотрудничеству стран СНГ с Китаем — это то, что там нет ценностного фактора. Китай не машет дубиной демократии над странами СНГ, не говорит о том, что он будет только тогда сотрудничать, когда вы будете признавать демократические нормы и либеральные ценности. Есть прагматическое сотрудничество, об этом тоже интересно иногда порассуждать. Спасибо.

С. Синельников-Мурылев:

Спасибо. У Сергея Юрьевича вопрос.

С. Глазьев:

У меня реплика по поводу стремления Европы обустроить все наше пространство на основе принципов либерализма и демократии. Во-первых, я думаю, нужно развести эти два понятия, они не тождественны; во-вторых, мы видим на примере Украины, как это делается на самом деле, то есть, видим двойные стандарты: Европейский Союз хочет, чтобы Украина сняла все барьеры, а сам барьеры не снимает. И вот это стремление, мне кажется, заключается не в том, чтобы либеральную модель внедрить, а в том, чтобы эта либеральная модель была односторонней, то есть европейские товары идут без барьеров, а доступ для наших товаров, увы, ограничивается. То, что навязывается сегодня Украине, — это асимметричная зона свободной торговли, явно дискриминационная. И то же самое мы видим во взаимоотношениях с нашим Таможенным союзом. Мы идем постоянно навстречу Европейскому Союзу по поводу пожарных, санитарных требований и так далее, а при этом считаем, что их санитарно-ветеринарная система контроля хуже, чем наша. Но мы идем навстречу. Они нам навстречу не очень-то идут. Итак, здесь речь идет скорее не о том, чтобы эти ценности или модели внедрить, а о том, чтобы их использовать в интересах своей торгово-экономической экспансии. К нам, скорее всего, относятся как к некоему колониальному пространству, которое нужно всеми силами и способами лишить защитных мер и оставить свободным для себя. Я бы так выразился.

А. Пар:

Я все-таки скажу, что сейчас у Украины появляются какие-то возможности договориться с Европейским Союзом. Европейский Союз идет, насколько я понимаю, на большие уступки в аграрном вопросе, остается единственный камень преткновения — это транспортный вопрос. В вопросах транзита есть проблемы. Но, Сергей, мы же понимаем, что либеральная модель на Западе возведена в ранг религии, и там все гораздо более серьезно, там нет никаких подковерных игр. Люди убеждены, что именно на основе этой модели можно сегодня управлять миром. Возьмем, например, то, что происходит в Северной Африке: у нас видят это совсем по-другому, не так, как у вас: оценки таковы, что демократия, которая после 11 сентября и во время финансового кризиса уже почти была похоронена, как утопия, сейчас может опять воцариться. И считается, что в Украине элита самая свободомыслящая на всем постсоветском пространстве, та, которая может принять эти ценности и быстрее войти в Европу. Это серьезно, я думаю, там каких-то заговоздок хитрых нет.

С. Глазьев:

Среди интеллектуалов, наверное, такая вера есть, и среди политиков. Вот Татьяна Дмитриевна, участник многих переговоров, подтвердит, что среди комиссаров Евросоюза, по-моему, мы не встречаем таких вот наивных любителей ультралиберальной модели.

Т. Валовая:

Продолжу. У меня есть вопрос к Александру, который связан, в том числе, и с комиссарами ЕС. Вы сказали, что Запад против восстановления влияния России на постсоветском пространстве. Это мы, естественно, понимаем и на себе ощущаем, это не новость. А как вот сейчас, на Ваш взгляд, Запад относится к интеграции? Готов ли он принять ту интеграцию, которая у нас сейчас идет в рамках Таможенного союза и ЕЭП? Причем

интеграция у нас строится на принципах Евросоюза: демократия в политике, рынок в экономике, — это не какая-то там другая интеграция. Почему я задаю этот вопрос? В конце 80-х и начале 90-х годов Евросоюз очень позитивно относился к постсоветской интеграции. Когда Жак Делор, тогдашний председатель Еврокомиссии, — я считаю, что это был блестящий председатель, это действительно человек, который сделал единую Европу, и история ему еще скажет, наверное, спасибо, — когда он собирался с первым визитом в Советский Союз, он тогда специально попросил встречи с членами советского кабинета министров с одной простой целью: он хотел их убедить не разваливать Советский Союз экономически. Смысл послания был таким: в политике делайте что хотите: независимые государства, суверенитет — это дело хорошее, но единое экономическое пространство, единую валюту не трогайте! Мы сейчас в Маастрихте к этому будем идти с большой кровью, у вас это уже есть, не надо это разваливать! И тогда я сама это чувствовала в своей работе, это действительно было очень позитивно, и многие документы, которые я называла, документы 1993 года, мы писали с помощью европейцев, они оказывали содействие. Потом все поменялось. В чем причина? Причина в том, что пришли бюрократы, люди, у которых нет вот этого vision, или причина глубже?

А. Пар:

Если коротко, то да. Мои личные ощущения таковы, что Европейский Союз до 2002, 2003, 2004 года был одним, а потом, после расширения, — не буду называть страны, которые в него вошли, бывшие страны Варшавского договора, — стал другим, и эти новые члены очень сильно влияют на состояние Европейского Союза. Произошла «оранжевая революция» в Украине: я думаю, это была главная причина, по которой столкнулись

интересы России и Европейского Союза в общем пространстве, и после этого начались, мне кажется, проблемы.

С. Синельников-Мурылев:

Совсем коротко, мы в цейтноте. Следующий выступающий — это Таир Мухамедович Насуров, генеральный секретарь ЕврАзЭС. Пожалуйста.

Т. Насуров:

Идет такая оживленная дискуссия... вот господин Рар сказал, что Украина — самая свободная страна и самая раскрепощенная. Я думаю, что если бы мой друг Валерий Иванович выступал бы в Киеве на каком-нибудь форуме, он был бы поаккуратней в своих оценках. Мы с ним на трех форумах вместе были, я помню, в Казани вместе с Евгением Максимовичем были, и тогда Валерий Иванович говорил: мы должны на Западе многие вопросы адаптировать. Я говорю ему: а где же Россия, тот главный партнер экономический и так далее? И поэтому, вспоминая, как в Ялте мы встречались, как в последний раз в Киеве вместе были, я думаю, что сегодня постсоветское пространство — свободное, демократичное, поскольку вы воспринимаете все совершенно по-другому. Вы знаете, что такое деликатность, здесь собралась экономическая элита, та, которая занимается реальной интеграцией, ученые собрались. На ваши те или иные оценки никто даже не отреагировал, потому что люди деликатны, они знают о том, что вы говорите так, потому что вы должны говорить так. На самом деле, не было бы Косово — не было бы проблем ни Абхазии, ни Южной Осетии, поэтому проблемы, которые касаются большой политики, они, конечно, остаются за рамками. Классическая наука говорит о том, что экономика и политика влияют друг на друга и обеспечивают развитие общества и государства. Мы сегодня рассматриваем вопросы и пути мировой интеграции. Естественно, сегодня Андрей Николаевич говорил о

том, что у нас были завышенные ожидания. На самом деле, завышенных ожиданий до 2009 года не было! Были заниженные прогнозы.

Я вам одно могу сказать: когда начинали формировать Таможенный союз, а это 2007 год, то главы государств приняли план действий и активно начали работать, работали весь 2007 и 2008 год. В 2009 году, 9 июня, главы правительств приняли решение о том, что три государства будут вместе вести переговоры о вступлении в ВТО и объявили, что с 1 января 2010 года начнет работать Таможенный союз. После этого, на второй день, мы с Сергеем Юрьевичем Глазьевым вместе принимали представителя Европейского Совета, господина Марка Франка, он 40 минут нам задавал вопросы: неужели с первого января так будет? Не должно быть так! Наверное, не все готово! Наверное, кто-то отменит эти решения! Ну не может этого быть! Как это вы будете?! Мы все время ожидали, что у вас долгий процесс будет, три, четыре, пять, шесть лет, может быть. Мы им очень долго объясняли. Оказывается, европейские представители здесь постоянно отписывали, что это все пока так называемый вялотекущий процесс. Вот так и продолжалось до 9 июня 2009 года, пока Владимир Владимирович Путин от имени всех премьер-министров не заявил на пресс-конференции: с января 2010 года заработает Таможенный союз! Это было действительно неожиданно — в то время, когда мы абсолютно спокойно двигались по этой сетке, по этому графику, и вдруг заработал Таможенный союз. Затем мы в течение одного года смогли сформировать договорно-правовую базу Единого экономического пространства.

Но здесь, естественно, мы идем по следам европейской интеграции. Европейская интеграция — это путь долгий, путь тяжелый, мы знаем о том, что, когда был подписан Единый европейский акт, в 1986 году, им еще 6 лет понадобилось для того, чтобы принять 279 мер, которые привели к полноценному формированию единого внутреннего рынка. Но и у нас тоже не так все просто. С 1 января будущего года все 17 договоров у нас будут

ратифицированы, что будет означать только начало функционирования Единого экономического пространства. Для полноформатного функционирования нам потребуется до 2015 года принять еще 55 документов. Кроме того, если Таможенный союз взять, мы же по нему практически всю работу завершили. Нам осталось 1 июля вынести на внешний контур казахстанско-российскую таможеню. Тогда будет единый таможенный дивизион, единая таможеня есть, таможенный кодекс есть, и уже есть опыт работы в течение почти полутора лет. А Единое экономическое пространство в течение этих пяти лет требует огромной работы, прежде всего, со стороны правительств. Нормы, которые заложены, как обязательства правительств, должны быть выполнены правительствами всех стран. Это самая тяжелая работа, которую мы будем вести. Вот, к примеру, с января 2013 года будет обязательное соблюдение согласованных значений. Валерий Иванович Мунтиян говорил о том, что в Европейском Союзе 24 государства не выполняют те макроэкономические параметры, которые установлены. А мы уже с 2013 года обязаны будем выполнять. Мы вводим для всех государств с 1 января 2014 года национальный режим при системе государственных закупок.

Если взять железные дороги, то сегодня бич для всех товаропроизводителей — то, что в каждой стране существует три тарифа: внутренний тариф, экспортный тариф и импортный тариф. Так вот, каждая страна взяла обязательства с 1 января 2013 года ввести единый тариф. С 2015 года мы в каждой стране обеспечиваем полноценный доступ к услугам железнодорожной инфраструктуры. Это — для особенных товаропроизводителей, тех, кто обеспечивает перевозки руды, обеспечивает крупную металлургию и так далее. Это большое дело. Подписание всех этих документов, о чем я сказал выше, и выполнение правительствами сторон своих обязательств по соглашениям обеспечат с 1 января 2016 года полноценное функционирование Единого экономического

пространства. К этому времени будут сформированы условия для создания Евразийского экономического союза. Но, как правильно говорила Татьяна Дмитриевна, у нас Кыргызстан уже подал заявку, Таджикистан изучает данную проблему. Если эти две страны смогут до 2016 года войти в Таможенный союз и Единое экономическое пространство, то они станут полноправными членами Таможенного союза и Единого экономического пространства. Тогда трансформация Евразийского экономического сообщества в Союз будет безусловным фактом.

Сегодня выступали мои коллеги из Кыргызстана и Украины. Я думаю, у этих стран есть желание увидеть дальние горизонты. Мы сейчас о валюте говорим. У нас же в антикризисной программе, которую Алексей Леонидович Кудрин постоянно от имени Минфина излагает, один из пунктов есть — обеспечение нормального взаимодействия национальных валют при покупке тех или иных товаров. И по этой проблеме работа ведется, и то, что уже Беларусь начала работать — это хорошо, и то, что, как Валерий Иванович говорит, только российский рубль должен быть резервной валютой, — это уже хорошо. В течение последних трех-четырех месяцев во всех средствах массовой информации Украины активно обсуждался вопрос: должна ли Украина войти в Таможенный союз и что это такое? Ученые у нас обычно не прогнозами, не аналитикой занимаются, не предлагают каких-то планов, они занимаются такими вот выкладками: что это даст России? Что это даст Таможенному союзу? Что даст Украине? Украина, прежде всего, выиграет, потому что, если посмотреть на товарооборот Украины с Евразийским экономическим сообществом, то получается 42 миллиарда долларов, у Украины импорт 26 миллиарда долларов, а экспорт всего 16 миллиардов. Как только Украина будет в составе хотя бы ЕврАзЭС, она свой экспорт сможет увеличить, чтобы не было отрицательного сальдо товарооборота.

Это все известно, но все зависит от желания каждой страны. То, что один из самых продвинутых и грамотных экономистов Украины говорит так, это еще не значит, что его поддерживают там. И в Ялте на конференции мы слышали разные точки зрения: некоторые предлагают зону свободной торговли сделать с Европейским Союзом. Но я абсолютно убежден, что Украина должна идти туда, где ее ждут, где ее понимают, где поддерживают. Рано или поздно Украина войдет и в ЕврАзЭС, войдет в Таможенный союз, это дело ближайшего будущего.

Несколько слов про наших ученых. Интеграция движется по своим определенным законам. Но всегда хотелось бы, чтобы фундаментальная наука работала на экономическую идеологию, чтобы она давала не только прогноз по свершившемуся факту и считала, у кого какая выгода. Фундаментальная наука должна разрабатывать и предлагать те или иные проекты, она должна опережать реальных экономистов, тех, кто занимается конкретными организационными вопросами. Я недавно был в Центре экономической интеграции на постсоветском пространстве — мы создали такой в Московском государственном университете, как вы знаете. Год прошел, а все равно те, кто работает там и занимается научными разработками, больше знают Европейский Союз, знают мировую интеграцию, интересуются всеми этими проблемами, — но что касается постсоветского пространства, практически ничего не знают. Только я иногда там выступаю и говорю: вот слушайте, ЕврАзЭС есть, Таможенный союз, это все структуры постсоветского пространства, и то, что СНГ у нас существует и двадцатилетие свое отмечает — это великое благо, поскольку в нем есть такие страны, которые даже конфликты между собой еще не разрешили. Поэтому площадка СНГ в том виде, в каком она работает сейчас по различным направлениям, в том числе по реальной экономике, — я считаю, это благо для наших трех стран, которые создали Таможенный союз и развивают его, для пяти стран, которые составляют другое

экономическое сообщество — ЕврАзЭС. Это благо, что есть структура, включающая другие страны, которые имеют возможность к нам присоединиться. Поэтому я думаю, что сегодняшняя наша дискуссия очень полезна: она, безусловно, даст нам возможность скорректировать некоторые вещи. Спасибо.

В. Мунтиян:

В мой адрес была реплика. Можно? Я хочу сказать, что я сегодня выступал как патриот Украины, и в сказанном я убежден — это раз. Как профессор, я обязан быть компетентным и честным; как ученый, я должен стремиться к истине, к познанию. Где бы я ни выступал, в Казани или в других местах, я своих критериев не меняю: все страны Содружества я считаю родными, убрать одну из них — то же самое, что резать по живому, отрезать пусть даже мизинец. Я таким остаюсь, и стараюсь оставаться, стараюсь политикам говорить правду в глаза. И самое главное, конечно, — наш кризис: мы над его осознанием должны работать, с себя начинать. Благодарю.

С. Синельников-Мурылев:

Спасибо, это не вопрос к Тагиру Мухамедовичу, а комментарий. Один вопрос, если кто-нибудь желает. Если нет, у нас еще два сообщения. Игорь Валентинович Финогенов, Евразийский банк развития. Дальше Сергей Юрьевич будет завершать.

И. Финогенов:

Я буду краток, потому что во время этой дискуссии прозвучали в основном все тезисы, которые достойны внимания. Я, конечно, живу немножко на другом этаже, то есть этажом ниже, чем Сергей Юрьевич, Сергей Николаевич, Тагир Мухаметович, Татьяна Дмитриевна, поскольку на

слайде, который тут показывали, я изображен в виде квадратика, который ниже других элементов интеграции. Я представляю Евразийский банк развития, который был создан пять лет назад Россией и Казахстаном, но сегодня уже является банком шести стран, а вскоре, я думаю, мы будем банком уже восьми стран. Мы являемся реальным элементом торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества на постсоветском пространстве, то есть мы — одна из деталей того мотора, который движет экономическую интеграцию на этом пространстве. Прямо скажу, определенный опыт в этом смысле мы накопили.

О чем говорит этот опыт? Первое: существуют объективные экономические потребности в реализации совместных проектов. Эти потребности, естественно, формируются за счет вполне понятных и рациональных мотивов участников экономической жизни, предпринимателей, которые двигаются и заставляют нас тоже двигаться в направлении реализации интеграционных проектов. Это проекты, которые генерируют дополнительный товароборот и дополнительные взаимные инвестиции. Мы занимаемся также реализацией инфраструктурных проектов. Но, конечно же, есть ряд факторов, которые сдерживают интеграцию или показывают, что существуют разные векторы на постсоветском пространстве.

Мы провели исследование системы индикаторов евразийской интеграции и изучили эту интеграцию согласно многочисленным критериям, которые включали в себя как экономические, так и гуманитарные критерии. Как уже говорилось, интеграция определяется не только экономикой, но и политикой, и гуманитарным сотрудничеством. И надо признать, что экономики стран СНГ в 2000-х годах отдалялись друг от друга, за исключением трех стран — это Белоруссия, Россия и Казахстан. Вот эти три страны, они действительно по всем критериям сближались. Это сближение основывалось и на каких-то субъективных, наверное, моментах, связанных

с руководителями этих стран, которые стремились жить в мире. Но были и объективные предпосылки. Очевидно, эти страны стали реальным интеграционным ядром для всего постсоветского пространства.

Почему я об этом говорю? Не так много интеграционных проектов можно реализовать сегодня на постсоветском пространстве, потому что барьеры — административные, политические, эмоциональные, другие, — многие проекты пускают под откос. И только снятие этих барьеров позволяет двигаться вперед. В этой связи я как финансист, как банкир, могу сказать, что работа по снятию этих барьеров, какой бы характер они ни носили, позволит участникам экономического процесса, бизнесменам, и, в конце концов, народам стран — участникам этих объединений, двинуться вперед и решать свои проблемы.

Что еще? У меня возникло много новых мыслей, пока я слушал выступающих. Я хотел сказать еще об одной ситуации, связанной с антикризисным фондом. Мы являемся управляющей компанией антикризисного фонда ЕврАзЭС. И этот фонд, он работает согласно немного другим принципам, чем банк. Но само создание этого фонда показало эффективность взаимной помощи и содействия в преодолении проблем.

Поэтому еще раз скажу, что должны быть сняты барьеры на пути интеграции, надуманные или реальные, должны развиваться такие интеграционные институты, как наш банк, как другие банки, которые существуют на этом пространстве, для того чтобы добиваться позитивных сдвигов в экономике.

С. Синельников-Мурылев:

Игорь Валентинович, спасибо. Будем завершать. Последнее выступление. С одной стороны, сказано уже очень многое, но с другой стороны, выступление действительно заключающее. Слово предоставляется Сергею

Юрьевичу Глазьеву, заместителю генерального секретаря ЕврАзЭС, ответственному секретарю таможенной комиссии Таможенного союза, ну и просто академику.

С. Глазьев:

Дорогие друзья, я понимаю, что вы все устали. Но, поскольку остались самые заинтересованные, то я позволю себе высказаться не в смысле подведения итогов нашего обсуждения, а заострю внимание на некоторых проблемах, которые выявились в ходе нашей дискуссии. Ответа на них пока нет, это предмет для нашей дальнейшей работы. Но для начала хотел бы сделать два общих замечания, вернувшись к началу нашей темы, которая объявлена на компьютерном дисплее.

Первое: в условиях сохраняющейся турбулентности на мировых рынках жизнь доказала преимущество больших экономических пространств. Те страны или группировки, которые обладают большим, емким внутренним рынком, сквозь кризис прошли объективно легче и сейчас имеют гораздо больше возможностей для наращивания своих конкурентных преимуществ. И эта тенденция будет сохраняться. Вторая тенденция противоположная — это дезинтеграция глобального экономического пространства, не в смысле возврата к изоляционизму, а в том плане, что принципы либеральной глобализации, которые управляли мировым развитием в течение последних 20 лет, подверглись сегодня пересмотру. Это касается торгового протекционизма. Он имеет место, хотя выглядит не столь явным. Это в еще большей степени касается финансового протекционизма; самый серьезный, самый крепкий финансовый протекционизм мы видим в центре мировой финансовой системы, в Соединенных Штатах, которые, как мы знаем, не допускают иностранные инвестиции в те отрасли, которые считают нужными защищать для себя. Россия с этим столкнулась, так же как, впрочем, и Китай, и арабские страны.

И самое главное, идет нарастающая эрозия глобальной финансовой системы с американским долларом в центре. Мир неизбежно переходит к поливалютной, полицентричной системе, и здесь большие экономические пространства обладают преимуществом, потому что на них могут возникать зоны региональной стабильности. Они возникают, в том числе, путем создания экономических союзов и своих финансовых рынков, создания своих валютно-финансовых систем, огражденных в какой-то степени от турбулентности на мировом финансовом рынке, которая, если мы говорим о долларе, будет неизбежно нарастать, потому что дисбаланс между предложением и спросом долларов с каждым днем увеличивается, причем по нарастающей. Ясно, что эта система обречена на то, чтобы из глобальной превратиться в полицентричную.

И мы видим, что мир уже на наших глазах приобретает совершенно новые контуры, мы уже можем видеть эти новые центры — это Китай, о котором здесь говорилось много, Индия, о которой не говорилось, это Европейский Союз и наше Содружество Независимых Государств, которое пока кажется таким маленьким на фоне гигантов, которые нас окружают. Действительно, по объему товарооборота мы совсем невелики. По роли в международной финансовой системе мы, можно сказать, карлики. Но в тоже время мы — первые по территории, о чем тут говорилось, и по транзитному потенциалу. Мы — первые по объему природных богатств, благодаря сырьевым запасам, и мы не самые последние по научно-техническому потенциалу, что дает нам шанс для рывка. В чем состоит наша специфика? Как мне представляется, мы все время должны понимать, что наше интеграционное объединение зажато между двумя гигантскими экономическими союзами, двумя гигантскими экономическими субъектами, — это Европейский союз и Китай. Это оказывает на всю нашу интеграцию очень серьезное воздействие. Европейский союз всегда для нас был ключевым партнером.

Но за последние 10 лет произошли совершенно фантастические изменения, невероятно выросла доля Китая в нашей взаимной торговле.

Эти изменения усиливаются и мы, в общем-то, сильно рискуем превратиться из субъекта торгово-экономических отношений, который сам планирует свое развитие, в дикую сырьевую периферию и для Китая, и для Европейского Союза, и стать объектом борьбы между этими двумя гигантами. Собственно говоря, интеграция, создание Таможенного союза стали ответом на этот вызов, потому что выжить в этих условиях можно, только имея крупное экономическое пространство, имея свою собственную торгово-экономическую политику, свои собственные четкие интересы, понимание общей стратегии. Конечно, это могло казаться нашим партнерам из Брюсселя фантастикой, то есть они для себя уже сделали вывод, что Россия стала энергетически-сырьевой периферией Евросоюза, и экономика всех стран СНГ дезинтегрировалась. С одной стороны, возник сырьевой контур, который замкнут на внешний рынок. С другой стороны, потребление замкнулось на импорте и, казалось бы, в середине все умерло. Но на самом деле — не умерло.

Я благодарен Евразийскому банку развития, который помог провести исследования о состоянии научно-исследовательского потенциала и связей между Россией и Украиной. Они показали, что потенциал есть, что связи не умерли, что кооперация может быть расширена и, собственно говоря, Таможенный союз, Единое экономическое пространство — инструменты для расширения этой кооперации и для наращивания конкурентных преимуществ по перспективным направлениям экономического роста. Мы, собственно, для этого и создаем Таможенный союз: для машиностроения, для наукоемкой промышленности, прежде всего для тех отраслей, где высока кооперация, где высоки издержки преодоления трансграничных барьеров, и я уверен, что эти усилия дадут результаты.

В этой связи я хотел бы с Андреем Николаевичем пополемизировать, вернуться к тому, какого результата мы ждем. Логика субсидий во взаимной торговле, привязанной к ценам мирового рынка, она уже здесь критиковалась, она порочна, с моей точки зрения, в том смысле, что сбивает нас с толку в плане постановки целей и создания общих знаменателей. Если мы считаем, что наша цель — максимизация валютной выручки, в целом или на душу населения, то можем договориться до того, что идеальная модель — это Ямало-Ненецкий округ в качестве самостоятельного государства. Мы помним дискуссии о том, кто кого кормит, когда разваливался Советский Союз. Вот Украина была уверена, что она всех кормит, — сейчас уже таких иллюзий нет. И в России были эксперты, которые доказывали, что России легче будет выжить одной в переходный период. Но потом мы обнаружили, что гигантское падение производства, двукратное, которое произошло в России, на одну треть объясняется разрывом кооперационных связей, и не последнюю роль в этом разрыве сыграло появление таможенных границ и барьеров, от которых нас наши коллеги, как сказала Татьяна Викторовна, предостерегали. Мы недооценили, прямо скажем, их значение в тот момент. И сейчас, если мы делаем ставку на рост экономической активности, рост ВВП, рост производства, рост благосостояния, то мы должны выбрать правильный инструментарий.

Это не перевод нашей торговли на мировые цены в расчете, что мы получим выгоду, если будем торговать по мировым ценам. Цены действительно рыночные. Рынки разные, они сегментированы. Поэтому тут трудно говорить о том, что мы могли бы поставлять все товары по мировым ценам. Может быть, лучше было бы вообще не поставлять, как американцы: консервируют свою нефть и считают, что правильно делают, даже в условиях бума нефтяных цен. Если мы правильно ставим задачи, правильно выбираем инструментарий, скажем, даже такой грубый, как

межотраслевой баланс, то получаем оценки эффекта. По данным совместного исследовательского коллектива — это Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук, Институт экономического прогнозирования Национальной академии наук Украины и наши коллеги из Казахстана — прирост валового продукта составляет примерно 15%. В том числе за счет того, что у нас больше нефти и газа будет перерабатываться внутри Единого экономического пространства, чем экспортироваться за его пределы. Это то, о чем я говорил: Таможенный союз и Единое экономическое пространство — это расширение общесырьевой базы, создание возможностей для развития обрабатывающих производств, и в этом смысле успех любого государства — это успех всего Таможенного союза.

Два слова в этой связи хотел бы сказать про Белоруссию. В силу очень сложной экономической ситуации там появились комментарии, что вот, мол, таможенный союз не дал Белоруссии той стабильности, которая ожидалась. На самом деле, мы видим эффект: рост белорусского ВВП в первом квартале по отношению к соответствующему периоду прошлого года составил 12% — это абсолютный рекорд в СНГ и, может быть, даже в мире. Они перещегооляли Китай по темпам экономического роста. Но они наткнулись на ограничение платежного баланса, их валютный резерв не выдержал таких темпов. У них спрос на валюту, в связи с тем, что экономика сильно зависима от импорта, превысил их возможности эту валюту получать от экспорта, то есть не оказалось той подушки валютных резервов, которая могла бы обеспечить высокие темпы экономического роста и гибкость структурной политики. К тому же, как вы знаете, цены на нефть подскочили, возникла паника среди населения, — это тоже подстегнуло спрос на валюту. И я уверен, что, если бы не было Таможенного союза и не было бы наших общих планов по Единому

экономическому пространству, у них бы и не было этих 12% роста ВВП, а ситуация ухудшилась бы еще раньше.

Поэтому сейчас общими усилиями мы пытаемся все стабилизировать. Надо понимать, что в этих 12% ВВП роста половина достигнута за счет России — это российские комплектующие для белорусских изделий и сырье. Так что это взаимовыгодное движение. Интеграция, по нашим оценкам, дает примерно один с небольшим процент прироста ВВП в год, что очень существенно, а самое важное, что она дает предпосылки для инновационного развития, поскольку дает больше возможностей для диверсификации экономики и расширения кооперационных связей.

Буквально в двух словах я бы хотел обратить внимание на некоторые принципиальные отличия нашей интеграции от других, которые очень важно помнить. Таможенный союз мы создали быстро, но после довольно длительного периода подготовки, начиная с 1992 года. Это выстраданное детище, рождение которого, безусловно, стало возможным благодаря политической воле глав государств и самоотверженной работе руководителей правительств, которые задали четкий график и следили за тем, чтобы он выполнялся. Но вместе с тем опыт работы за полтора года показал, что общих интересов у нас намного больше, чем различных. Нашим слабым местом пока является то, что у нас доля взаимной торговли не так велика, как в Европейском Союзе или в НАФТА. Кажется, что это из-за чрезмерного экспорта нефти, газа и сырья в целом в дальнее зарубежье. Получается, что объем взаимной торговли меньше, чем объем внешней торговли.

Но в то же время могу сказать, что из 659 решений, которые комиссия приняла за полтора года, не было ни одного, по которому пришлось бы применить процедуру голосования, то есть все решения принимались консенсусом. Это примерно по 50-60 решений за одно заседание комиссии, и они принимаются быстро и достаточно оперативно, то есть у нас имеют

место довольно значительные общие интересы. И единое экономическое пространство дополнит эти общие интересы не только согласованием макроэкономических параметров политики, но и формированием общей стратегии развития, что очень важно для выживания в современном нестабильном мире. У нас есть первый результат — рост торговли примерно на одну треть по отношению к соответствующему периоду прошлого года, и этот динамизм подтверждает наши расчеты экономических эффектов. Итак, у нас создана довольно серьезная зона притяжения.

Для Александра Рара я хотел бы специально заметить, что мы создаем Таможенный союз и Единое экономическое пространство в полном соответствии с нормами ВТО. Мы не отвергаем либеральную идеологию в хорошем понимании, мы работаем по международным стандартам, Таможенный кодекс основан на общепринятой Киотской конвенции, мы стремимся иметь более прогрессивное законодательство и двигаться к мировым стандартам, опережая даже национальное законодательство государств — участников Таможенного союза. При этом мы прекрасно понимаем, что хотя все люди братья, и мы все любим либеральную философию, торговля есть постоянная борьба интересов, и подчас она принимает форму торговых войн.

В этой связи последнее, о чем я хотел сказать: мы сейчас испытываем очень сильное напряжение, точнее, испытание на прочность в связи со стремлением Украины создать зону свободной торговли с Европой. Что здесь, как мне кажется, важно понимать? Пока у нас не было вот этой зоны притяжения — Таможенного союза, мы жили той философией, что зона свободной торговли и устранение торговых барьеров — это сама собой разумеющаяся вещь, поскольку мы близки друг другу, а эти торговые барьеры разрушили нам кооперацию, повлекли падение производства. И коль скоро у нас больше общих интересов, чем конкуренции, то мы можем

обойтись без них. Но вот возникает Украина с отношениями свободной торговли с Евросоюзом. Я возвращаюсь к своей мысли о том, что наше СНГ находится в тяжелом положении между двумя торгово-экономическими гигантами — Китаем и Европейским Союзом. Понятно, что как бы ни звучал призыв к свободной торговле по всей Евразии, это скорее образ идеального будущего, чем нынешняя суровая реальность. Мы это постоянно ощущаем на переговорах с Евросоюзом, и Китай не такой уж легкий торговый партнер — они себя очень сильно защищают. И защищают не столько торговыми тарифами, сколько техническим регулированием, санитарными нормами и тому подобными тяжелыми инструментами, в том смысле, что с ними невозможно справиться легко, требуются годы тяжелой работы и достижение взаимопонимания.

И вот возникает ситуация, когда вторая экономика в СНГ и вторая страна по численности населения, по отношению к которой мы как бы разоружены. Зона свободной торговли — это торгово-экономическое разоружение, то есть мы не используем инструменты борьбы за свои экономические интересы во взаимных отношениях. Украина отказывается использовать эти инструменты с Европейским Союзом, и у нас происходит разоружение примерно одной седьмой нашей общей экономической территории. Как мы должны к этому относиться? Вопрос нетривиальный, нет здесь готовых рецептов. Но то, что такого рода крупномасштабное действие нужно обсуждать, нужно вместе просчитывать угрозы и очень серьезно исследовать, к чему это приведет, — это у меня сомнений не вызывает.

Мы предлагали украинской стороне выработать общую позицию в отношении Европейского союза, но ответа не услышали. Мы видим, что идет навязывание дискриминационного соглашения о свободной торговле, мы плохо понимаем, что же Украина от этого получит, коль скоро главный товар украинского экспорта в Европу не попадает по этому соглашению, там сохраняются квоты. Таким образом, вывод, мне кажется,

напрашивается сам собой: наше многостороннее соглашение о зоне свободной торговли оказалось под угрозой, потому что напряжение возникло очень серьезное. Мы не понимаем толком последствий, мы видим похожую, но менее масштабную ситуацию с Киргизией, у которой де-факто, по сути, оказались свободные отношения с Китаем, и мы знаем, к чему это привело, объективно, я не хочу давать никаких оценок. В силу чисто экономических механизмов, главной специализацией Киргизии стал импорт китайских товаров. Мы эту проблему осознали, и киргизская сторона это тоже очень хорошо понимает, и решение киргизского правительства войти в Таможенный союз стало вполне понятным решением в ответ на то перенапряжение во взаимной торговле, которое возникло.

А Европейский союз и Украина — это гораздо больший масштаб проблемы, в разы больший. Поэтому получается, что отношения свободной торговли, если мы их анализируем в контексте противостояния больших торгово-экономических блоков, оказываются весьма неустойчивой переходной формой. Государства СНГ, которые оказались между Таможенным союзом и Евросоюзом или между Таможенным союзом и Китаем, сегодня находятся в очень сложном положении, превращаются из субъектов в объекты конкуренции. Вот почему я обратил внимание на то, что у нас решения фактически принимаются консенсусом: если Киргизия входит в Таможенный союз, то она становится субъектом принятия решений. Она вместе с нами, по сути дела, вырабатывает общую политику. Она сохраняет свою правосубъектность как самостоятельный выразитель собственных интересов.

А если государство оказывается между двумя гигантами, имея только зоны свободной торговли, полностью разоруженное, — какую общую стратегию оно может выработать? Оно не может выработать общую с нами стратегию, потому что не участвует в формировании общей политики, и с Европой тоже не может, потому что в Европу его еще не пускают. Оно находится в

таким раздетым состоянии, извиняюсь, между двумя центрами силы, и превращается в объект конкуренции.

Мне кажется, что вот эта новая ситуация, которая возникла в связи с тем, что Украина сейчас спешно завершает переговоры по зоне свободной торговли, требует специального внимания. Я всегда выступал за многостороннее соглашение о свободной торговле внутри СНГ, но это заставляет нас очень серьезно задуматься. Логика нас подводит к тому, что Таможенный союз — это центр силы, центр притяжения, очень привлекательный. Есть план, есть Единое экономическое пространство, Евразийский экономический союз, и я хочу выразить надежду, что логика, прагматизм и понимание общности интересов приведут страны СНГ в Таможенный союз и Единое экономическое пространство.

С. Синельников-Мурылев:

Спасибо, Сергей Юрьевич.

С. Лебедев:

Можно, я сразу отвечу?

С. Синельников-Мурылев:

Конечно.

С. Лебедев:

Сергей Юрьевич, последнее заседание глав правительств в Минске 19 мая показало, что Украина является активным сторонником подписания нового договора о зоне свободной торговли. Интересно, что в Брюсселе этот акт, говорящий о возможном присоединении Украины к новому договору о зоне свободной торговли, также воспринимается как угроза интересам Евросоюза. И, как меня информировали украинские партнеры, им было там

сказано: в случае, если вы подпишете новый договор о зоне свободной торговли в рамках СНГ, у вас возникнут трудности на пути в Евросоюз и на пути к подписанию договора о зоне свободной торговли с Евросоюзом. И тогда украинцы говорят: как же так, мы оказываемся в странной ситуации, в СНГ нам говорят, что вы являетесь угрозой для нас. Мы стремимся подписать договор о зоне свободной торговли с СНГ и отдаем приоритет этому договору. Почему? Потому, что мы подписываем первым этот договор, хотя, конечно, здесь есть некоторые нюансы, и эти нюансы понятны, но ситуация такова, так говорят украинские партнеры. Ситуация интересная, своеобразная и я, как сторонник интеграции, конечно же, заинтересован в том, чтобы найти разумный компромисс и чтобы все-таки Украина оказалась в наших объединениях. Может быть, украинцы сами прояснят истинную ситуацию и расскажут нам, как обстоят дела? Спасибо

С. Синельников-Мурылев:

Валерий Иванович, проясните.

В. Мунтиян:

Я хочу честно сказать, что для Украины самая страшная ситуация — это патовая ситуация, когда, с одной стороны, Европейский Союз наобещает сейчас вот столько, а завтра все возьмет обратно, и мы не получим от Европейского Союза ни одной преференции. А с другой стороны, Таможенный союз границу выстроит, и мы потеряем то, что уже имеем. Я сомневаюсь, что Европейский Союз купит у нас самолеты, энергию, транспорт, коньяк, сыр, шампанское. Наши товары не соответствуют их стандартам, на европейский рынок они не придут. Расчеты базовые показывают, если честно, что у нас будут потери. Если взять базовый расчет за 2011 год, касающийся зоны свободной торговли с Европейским Союзом, у нас только в базовых отраслях падение числа занятых на 34

тысячи, по обороту у нас тоже падение на 1,3%, даже по ВВП падение. А с Таможенным союзом, с учетом преференции, которая будет у нас, получится плюс. Кроме того, износ основных фондов, если взять машиностроение — это 5%, сегодня он на критическом уровне. Согласно критериям экономической безопасности, пороговый износ составляет 50%, в Украине 63%, в России уже тоже 50%. Как, за счет чего мы будем производить? И как мы можем уничтожить то, что уже 20 лет уничтожают! Самые высокорентабельные отрасли производства — за них надо бороться, их надо отстаивать. Значит, что я хочу сказать, чтобы не было ни левой, ни правой. Был такой выдающийся деятель, мне он нравится, Спартак. Он сказал: свободу любят все, но не каждый готов за нее умереть. Вот из этого надо исходить. А то доиграемся.

С. Синельников-Мурылев:

Спасибо большое. Ну что, коллеги, по-моему, надо завершать. Многие могут сказать, что регламент был нарушен, отчего круглый стол занял почти вдвое больше времени — это моя вина, что я плохо справился с обязанностями модератора. Но мне, по крайней мере, было интересно.